

84(2-632.1)6
У435

Борис УКАЧИН

**КАЛЕНДАРЬ
ДУШИ**





389526

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия пред. выдач

12.08.70

Сух. гип. № 7. 10296 — 10 000 000.









**Борис
УКАЧИН**

КАЛЕНДАРЬ ДУШИ

**Стихи,
баллады,
поэмы**

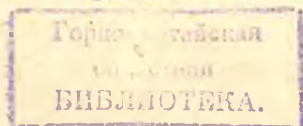
ПЕРЕВОДЫ С АЛТАЙСКОГО

**БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982**

Р 2
У 435

Рецензент член СП СССР
В. Л. Казаков

0 389526 ✓ ✓



Укачин Б. У.

У 43 Календарь души: Стихи, баллады, поэмы. — Барнаул: Алт. кн. изд., 1982. — 240 с., с портретом.

Стихи, баллады, поэмы — таков жанровый диапазон новой книги известного алтайского поэта, в которую вошли как ранее издававшиеся, так и новые произведения, вобравшие в себя духовный опыт алтайского народа.

Поэзия Укачина питается любовью к родному Горному Алтаю, отражает исторические изменения, происшедшие в его жизни.

Тематическое разнообразие стихов, баллад, поэм, органическое единство лирического, философского и публицистического начал — характерная черта новой книги поэта.

У $\frac{70402-50}{M138(03)-82}$ 24-82.

4702010200

© Алтайское книжное издательство, 1982

ПРИБЛИЖЕНИЕ СТИХА

*Ночь. Лежу и не могу уснуть
На горячей, смятой простыне.
Что-то мне теснит и давит грудь.
Что-то совершается во мне.*

*И в ушах — какой-то шум и звон.
Я зову: услышь меня, приходи,
Добрый сон! Ты слышишь, добрый сон,
Я сдаюсь: не мучай, победи!*

*Но шумит в мозгу моем тайга,
И, безумством сильных обуян,
Плещет, разрушая берега,
Возмущенный ветром океан.*

*Я устал. Измучен я. И вдруг
Отпустило. Ясность. Тишина.
Вижу я: цветет широкий луг.
Слышу я: поет кругом весна.*

*Это ты, родимый Каярлык?
Каракол? А может, Кулада?
Слышу звонкий птичий переклик,
Вижу — бродят мирные стада.*

*О, куда бредете вы, стада?
Кони, кони, мчитесь вы куда?
И куда, бессмертно молода,
В ручейках торопится вода?*

*Чувствую, как, музыкой звуча,
Холодя, и грея, и звеня,
Жарко обжигая, щекоча,
Время протекает сквозь меня.*

*Протекает Время — и во мне
Умирает прежний человек,
И, как будто возродясь в огне,
Возникает новый человек.*

*То, чего не знал я, — знает он,
То, чего не видел, — видит он,
То, чего не слышал, — слышит он,
Чуткостью особой наделен.
О, как чутко ухо у него,
А душа — подавно не глуха!*

*Вот, примерно, люди, каково
Чувство приближения стиха.*



**Новые стихи,
подсказанные
огнем
моего очага**

ДОМОЙ ХОЧУ

Домой хочу, домой!

И сердцу нет покоя!

Домой хочу — не в комнатную тишь,

А в тишину долин,

где небо голубое

Сияет надо мной

надежней всяких крыш!

Домой хочу!

Там облачко любое

И каждый кустик

тьень подарят мне,

И маленький цветок у водопоя

Мне улыбнется, как родне!

Домой, домой!

В мои родные чащи,

Где камни,

деревя

и кони ждут меня!

Мне сладок жар живой,

от крупов исходящий,

И самый дух коня...

Домой, домой!

Сегодня же, скорее!

Я слышал, что, грустя

по отчей стороне,

Вдвойне быстрее

человек стареет —

А для чего

стареть быстрее

мне?

Домой!

Там,

перед кедром преклонив колени,

Воспряну духом я и сердцем оживу

Подобно горному оленю,
Который отыскал
огонь-траву.

Я возгорюсь,
как тот пастуший,
Во мраке ночи видимый
костер,

И прилетят ко мне,
как родственные души,
Все птицы наших гор,
все песни наших гор.

К моим истокам припаду я снова,
И мне они

в счастливый час
Необходимое подарят Слово,
Как было много раз.

Домой хочу, домой!
Сегодня же, скорее!

Я слышал,
что,
грустя по отчей стороне,
Вдвойне быстрее
человек стареет,

А для чего
стареть быстрее
мне?

Нет, не хочу, друзья,
угрюмо, хмуро

Свыкаться
с преждевременной зимой,
Усталость на себе таскать,

как ссохшуюся шкуру...
Домой хочу,

домой,
сегодня же —

домой!

КЮС-КЮС

Локти в ссадинах, сохнет рот —
Я на склон крутой поднимаюсь.
На камень, лицом вперед,
Упаду — и вновь поднимаюсь.

Тяжелеет заплечный груз,
И спина моя намокает,
Но шепчу я себе:

«Кюс-кюс...» —

И мне кажется: помогает.

Есть такое слово у нас,
Не подвластное переводу.
Я задумывался не раз:
Кто его подарил народу?

Вспомниаю, как не могла
Растелиться наша корова —
Мама рядом всю ночь была,
Повторяя снова и снова:

«Кюс-кюс...»

Вот купили ботинки мне —
Хороша, но тесна обнова.
Их натягивая, в тишине
Повторяю все то же слово:

«Кюс-кюс...»

Где не можешь ни от кого
Ждать ни помощи, ни совета,
Оставалось шептать его —
Заклинанье древнее это,

Невзначай произнесено,
Вполушепот, на полувздохе —

Может быть, поможет оно
И в заботах нашей эпохи?

Я взбираюсь на склон крутой,
Взгляд вперед кидаю порою:
Может быть, вот за той грядой
Обрету дыханье второе?

А во рту — кисловатый вкус,
А спина моя — намокает,
Но твержу я себе:

«Кюс-кюс...» —

И мне кажется: помогает!

АДЖИМУШКАИ, АДЖИМУШКАИ...

Теснины катакомб.

Земля Аджимушкая...

Отец мой, ты не здесь

пал, кровью истекая,

Но гибли здесь в те дни

сорок второго года

Бесстрашные сыны

и дочери народа,

И я бы тоже мог,

родись в иное время,

Здесь биться, как они,

в одном ряду со всеми.

Но вышло, что они

меня опередили.

Погибли, победив.

Погибнув, победили.

Неслыханной войны
отгрохотали годы.
Я тридцать лет спустя
пришел под эти своды.
Куда ни сделай шаг —
здесь камень, камень, камень...
И с трепетом его
я трогаю руками.
Мне кажется, что те,
кто в эту глубь спустились,
Не просто умерли,
но в камень превратились.
Я под землей стою
и времена смещаю —
И в камне их тепло
живое
ощущаю.
Да, в камне, в камне вы,
а не в сыпучем прахе.
Полковник Ягунов
и комиссар Парахин,
И все бойцы —
постов
подземных
часовые,
И сандружинницы —
подруги боевые.
Лишь двадцать пять минут
здесь, под землей, стою я...
Шесть месяцев почти
вы жили здесь, воюя.
В крошечной темноте
стою, как в преисподней,
И ваши гнев и боль
во мне кипят сегодня.

И мнится: я стою,
суровый, напряженный,
На вражеской тропе
стрелой настороженной
(Среди Алтайских гор,
в тайге, где люди редки,
На зверя самострел
так наостряли предки!).

Нет, сердце у меня
с рождения не злое,
Но здесь я над врагом
нависнул бы скалою —
На голову его
обрушиться готовый
Тяжелой, как гранит,
махиной известковой!..

А солнце где-то там
по-прежнему сверкает,
Но свет его живой
сюда не проникает,
И не пробьется дождь
сквозь каменную крышу...
«Воды! Воды! Воды!» —
со всех сторон я слышу.

Вода... вода... вода...
Желанная, простая...
Я столько пил ее
из родников Алтая!
И губы отирал.
И говорил: «Довольно!»
Об этом вспоминать здесь —
мучительно и больно.

«Воды! Воды!.. Воды... —

слабее с каждым разом. —

Нас голодом томят,

выкуривают газом...

Воды... Воды... Воды...

Но мы собой гордимся.

Воды... Воды... Воды...

Умрем, но не сдадимся!..»

Прощай, Аджимушкой,

безмолвные отсеки!

Все, кто погибли здесь, —

в сердцах у нас навеки.

И я в свой горный край

уюду, вспоминая,

Тебя, Аджимушкой, —

под Керчью щель земная!

Куда бы я ни шел

родиной стороною,

Сто семьдесят ночей

и дней твоих — со мною,

Я вспомню их не раз,

под солнцем душу грея:

На них я старше стал,

а может быть, — старее...

СЛОВО О ЛЮДЯХ РАБСКОЙ КРОВИ

Не горят и не светят. Не вспыхнут, как порох!

Не погаснут и не возгорятся вновь...

Есть такие еще среди нас, у которых

В жилах — старая, мертвая, рабская кровь.

Как им страшно живое в себе обнаружить!

Как бесцветны их взоры, опаслива речь!

Не помогут они в том, что надо разрушить,
Не помогут сберечь то, что надо сберечь.

Ко всему равнодушны их сонные лица,
И когда наступают тревожные дни,
Как летучие мыши — не звери, не птицы, —
В полумраке, в тени хоронятся они.

А когда отпадает нужда в камуфляже,
И покой воцаряется долгий вокруг,
Выползают на свет потихоньку — и даже
Властолюбие в них пробуждается вдруг.

Но по-прежнему пусты их скользкие взгляды,
Ни восторгом, ни гневом глаза не блестят,
И весне приходящей как будто не рады,
И под осень с природой родной не грустят.

Как же так? Ведь над нами, друзья, надо всеми
То же самое солнце горит в синеве,
И одно, как-никак, породило нас Время —
Неужели в каком-то мы все же родстве?

Нет! — с проклятием я эту мысль прогоняю,
Никогда я такой не признаю родни!
Мы — другие, и кровь наша — тоже иная.
Их на свете — все меньше. Да, сгинут они!

* * *

Как пес охотничий, по следу
За быстрым временем бегу.
Бегу на собственных — не еду.
Читаю строчки на снегу.

Мой интерес — не вид, не внешность,
А суть, что прячется за ней.
Почую Доброту и Нежность —
Держусь поближе. Так верней!

А тех, кто хитры да лукавы,
Душ с лисьим духом — не люблю:
С такими сам не знаешь, право,
Где шеей угодишь в петлю.

Я верю верным, честным, смелым,
Таких узнать мне повезло,
И мир я вижу черно-белым —
Деленным на Добро и Зло,

Одолеваю кручи, броды,
Сажусь к пастушьему огню,
И мудрость горного народа
Повсюду в памяти храню:

«Кто по-пустому много брешет,
А с правдой толком не знаком,
Себе же голову и срежет
Безмерно длинным языком!»

«Распознавай гнилые души,
На лоск наружный не смотри:
Навоз хотя подсох снаружи,
Но запах свой хранит внутри!»

Живу — не просто существую!
То радуюсь, а то грущу,
И в мире Истину живую,
Как пес хозяина, ищу.

Тянусь за Истиной упорно,
Стараюсь ей служить во всем,
И вовсе быть мне не зазорно
Ее ищейкой, верным псом!

СЫН ЛЕЖИТ В КОЛЫБЕЛИ

389526.
Лежит он в колыбели —
Мой сынок,
Мой нежный,
Как ягненок-сосунок,
Моя забота,
Плоть и кровь моя,
Мой древний долг,
Мой завтрашний судья.

Он очень мал,
И у него пока
Нет на земле
Ни друга, ни врага.
Еще не знает он,
Что значит честь.
Еще не знает он,
Что значит месть,
Еще он не знаком
С добром и злом,
В нем зависть
Не завязана узлом.

Лежит он в колыбели,
Мой сынок,
Я сам
Ему завидовать бы мог:
Жизнь без врагов —
Не это ли мечта?

Но говорится, видно,
Неспроста:
Когда мужчиной
В мире ты живешь,
Ты должен Правду знать
И видеть Ложь!
Расти, мой мальчик,
Стать борцом сумей,
Имей друзей,
Но и врагов имей!

Лежит он в колыбели,
Мой сынок,
От колыбели тысячи дорог
Бегут, пыля,
В далекие края...
Мой сын, мой долг,
Мой завтрашний судья!

ДАВАЙ-КА, ДРУГ, ПОГОВОРИМ...

Садись поближе, друг, поговорим
О нашем сложном времени, о жизни:
Каким огнем сегодня мы горим?
Воистину ли доброе творим
Своей большой и маленькой отчизне?

Алтайцы мы, мужчины — я и ты.
И ты, и я — мы стихотворцы оба.
Сбылись ли нашей юности мечты?
Достигли мы желанной высоты?
Об этом, друг, поговорим особо.

Храним ли меткость мы того стрелка,
Что белке в глаз дробинкой попадает?

В стихах тепло родного камелька
По-прежнему живет, не пропадает?

О если б трепетал в словах стиха
Тот огонек хотя бы, на котором
Чай кипятит красавица сноха,
Внимая старших долгим разговорам!

Итак, что в жизни совершили мы?
Смогли дойти до главного, до сути?
Великие и светлые умы
Глядят на нас из прошлого, как судьи.

— Пушкин! Он жил всего тридцать семь лет.
Белинский! И он прожил не больше, а сколько успел
совершить!..

— О, но то ведь судьбы особые, высокие! Великие
сыны великого народа...

— Но еще Горький сказал, что «количество народа
не влияет на качество талантов...»

— И тем не менее: нам ли мерить себя этой меркой
высокой?

— Может быть, может быть... Но я не могу не
думать: Байрон, Маяковский — каждый из них глядел
на солнце, что и нам светит, всего по тридцать шесть
лет! А Лермонтов? Он ведь юношей был, цветущей
весной! Но в гордой крови его была такая мощь, как
у самого Демона или у восточного Монгуса. Свет
мудрости был в нем и небесной молнии неукротимость.
Подумай, сегодня каждый из нас двоих чуть ли не
вдвое старше Лермонтова!

— О, молчи, друг мой, не говори об этом!

— Но мы ведь с тобой — дети маленького народа,
и ноша каждого из нас удесят�еряется! Каждый из нас
должен жить и трудиться за десятерых! И всякая

буква каждого нашего слова должна гореть и светить, призывая людей к добру!

— Шандор Петефи ходил по земле двадцать шесть лет, Добролюбов — двадцать пять...

— Какие судьбы, какие люди!

— А мы, друг мой? Всегда ли мы спрашиваем с себя по самому большому счету? Во всем ли достойны мы нашего времени?

Про «наше время», друг, мы говорим,
А так ли уж оно и вправду «наше»?
Вольны ли мы распоряжаться им,
К примеру, как вином в застольной чаше?
Хочу, мол, выпью, а хочу — пролью,
Своей мгновенной прихоти в угоду...
Нет! С каждым годом четче сознаю,
Что время — достояние народа.
Нам это время некогда отцы,
Как поле для посева, завещали.
Его нам завещали те бойцы,
Которые Отчизну защищали.
Теперь любой из нас, как агроном,
В своей земной, не столь уж долгой доле
Ответственен: что вырастет на нем —
На вверенном ему просторном поле?
Взойдет ли хлеб, цветы ли расцветут
Или одни кусты чертополоха?
Как мы вершили свой вседневный труд?
Что хорошо мы сделали, что плохо?
Что мы передадим в грядущий век?
Свет откровений? Школьные тетрадки?
А время длит свой бесконечный бег,
Торопится все дальше без оглядки...

ПОСЕЩЕНИЕ

К зырянам Тютчев не придет.

А. Фет

В юрту дедовскую ко мне
В гости пришли Тютчев и Фет —
И сидели со мной при огне,
Покуда не наступил рассвет.

Не отвергали мой скромный очаг —
Пламя его согревало их.
Камча, кресало, седло, чепрак —
Все интересовало их.

Старый, в кургане найденный меч
Медленно по рукам ходил.
Орнамент, яркий, как мудрая речь,
Гостей в восхищение приводил.

— А кто же, скажи, алтаец, твой бог? —
Спросил меня Афанасий Фет. —
Кому ты молишься?
Я, как мог
И как сумел, объяснил в ответ:

— Предки молились рекам, горам,
Большим деревьям, живому огню.
Для них вся природа была как храм,
И я к ней тоже любовь храню.

— Прекрасно, — Тютчев промолвил, тих,
Соседу ладонь положив на ладонь. —
Живая природа — вот бог живых,
Начало же всех начал — огонь!

Промолвил — и улыбнулся вдруг:
— Не чудо ли происходит сейчас?
Алтаец нас принимает, как друг,
Зыряне и чукчи знают о нас!

— Да, этого я предвидеть не мог, —
Сказал, смутясь, Афанасий Фет. —
Прости меня, время: я не пророк,
Я всего лишь только поэт!

Над очагом поднимался дым,
Звезды заглядывали в дымоход.
Был, видать, интересен им
Беседы столь необычный ход.

Начали туч розоветь края
За приоткрытой дверью, вдали.
Задумавшись, не заметил я,
Как неслышно гости ушли.

Когда я очнулся, в дымке дневной
Горные голубели верхи.
Лежала бумага предо мной,
А на бумаге — вот эти стихи...

ПИСЬМО ПОЭТУ КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ, ОТПРАВЛЕННОЕ С ДОРОГИ

Тот берег мы покинули вчера.
Без нас теперь пойдут на Рижском взморье
В извечном ритме дни и вечера,
Светиться будут зори и предзорья.

Мне кажется, и в нашей жизни есть
Свой скрытый ритм, закон чередования:

Вослед печальной — радостная весть,
Сегодня встреча, завтра — расставанье.

Бывает, заночуешь в шалаше,
Наутро снова дальняя дорога,
Оглянешься — и защемит в душе:
Тот малый кров — уже родной немного.

И в каждой из гостиниц, где ты жил,
Где чемодан ты свой дорожный ставил,
Где строчку хоть единую сложил, —
Ты что-то невозвратное оставил.

Что ж тут дивиться! Целый мир вокруг
О человеке, о тебе хлопочет,
Тебя хватает тысячами рук,
Тобой живет и отпустить не хочет.

Мы жили здесь, на рижском берегу,
Бок о бок жили, целый месяц ровно,
И за двоих я говорить могу,
Что здешний кров родной теперь нам кровно.

Пройдут года, иные уголки
Своей земли узнаем и полюбим,
Но будем помнить рижских дюн пески,
Возникшей дружбы узел не разрубим.

Журчит вода, кусты шумят во мгле,
Сверкают звезды в темно-синей тверди,
Но только человеку на земле
Доступна мысль о жизни и о смерти.

И потому, должно быть, потому
Он никогда покоя не находит,

Все, что проходит, дорого ему,
Проходит все — и все же не проходит.

Мир—в нас, мы—в нем, и нет прочней родства,
Ему принадлежим душой и телом.
Уйдем — какой-то частью существа
Останемся и мы на свете белом!

ОТРАЖЕНИЯ

Эркемену Палкину

I.

Вновь она, красавица весна!..
Краски пробужденного простора.
Возвратились гуси на озера.
Хорошо! Душа, как даль, ясна.

Хорошо! Душа, как даль, ясна.
Возвратились гуси на озера.
Краски пробужденного простора —
Вот она, красавица весна!

II.

Лето. На траве блестит роса.
Года миновала половина.
Ярко зеленеет луговина.
Выхожу. В руках моих — коса.

Время! Выхожу, в руках — коса.
Ярко зеленеет луговина.
Года миновала половина.
Лето. На траве блестит роса.

III.

Бабье лето. Грустная пора.
Крики журавлей над степью праздной.
Возле юрты конусообразной
Тихо коротаем вечера.

Тихо коротаем вечера
Возле юрты конусообразной.
Крики журавлей над степью праздной.
Бабье лето — грустная пора!

IV.

Караван серебряной зимы
У дверей — с богатыми дарами.
Над селом, над низкими домами
Снова встали синие дымы.

Встали снова синие дымы
Над селом, над низкими домами,
Вновь пришел с богатыми дарами
Караван серебряной зимы...

НА ОТДЫХЕ

Я на отдыхе, брожу
По родимому Алтаю,
Сладким воздухом дышу,
Тихо песню напеваю:

«Что красивее цветка?
Лишь другой цветок, я знаю.
Что красивей чем река?
Может быть, река другая».

Не о чем тебе тужить,
Если день без горя прожит.
Счастье прошлое затмить
Счастье завтрашнее может.

Может солнце вдруг зайдет,
Но на утро выйдет снова,
А неожиданно друг уйдет,
Друга где найдешь другого?

Мучит нас лишь до поры
Боль какая-никакая,
Быть красивее горы
Может лишь гора другая!

Кроме матери родной,
Нету матери на свете.
Кроме родины—иной
Нет родной земли на свете.

* * *

Грустным ли, веселым ли бывал —
Эту песню мой отец певал:
«Как бы ни был конь горяч и скор,
Для него отыщется узда.
Люди — не вершины дальних гор:
Живы будем — встретимся всегда».

Много ярких весен, бледных зим
Встретил я в моем родном краю.
Нет отца, но я сынам своим
Песню ту же самую пою.

День придет — и этот белый свет
Я оставляю тоже в свой черед,
Но конца отцовской песне нет,
Вечно песня эта не умрет.

Пусть, как песня эта, без конца
Процветает родина моя!

«Эта песня нашего отца!»

И мои пусть скажут сыновья:

«Как бы ни был конь горяч и скор,
Для него отыщется узда.
Люди — не вершины дальних гор,
Живы будем — встретимся всегда».

* * *

Каярлык...

По всем долинам
Журавлиный клик,
И за клином журавлиным
Синие пласты,
Молодой, широкий ветер
Журавлиных крыл —
Вешний ветер пробужденья,
Ветер высоты!

Журавли мои родные,
Братья-журавли,
Мы одной любви и песни,
Мы одной земли,
И до боли мне понятен
Ваш высокий крик,
Потому — не пролетайте,
Тут гнездитесь, не бросайте
Отчий Каярлык!

В свой покой
Вас мирно примут
Добрые края,
Здесь на брата не подымут
Черного ружья.

ДОЖДЬ ИДЕТ

Дождь при солнце
Моросит,
В небе радуга
Висит.

Многоцветны
Краски дня.
Что же в сердце
У меня?

В сердце — песня,
Друг родной,
Если хочешь —
Пой со мной.

Посмотри:
Весна вокруг,
Счастлив, молод я,
Мой друг!

Дождь при солнце
Моросит.
В небе радуга
Висит.

* * *

Год Змеи —
Начало войны:
Запылали наши края.
Сорок первый,
К сердцу страны
Подбиралась, ползла
Змея.
Люди мира!
На всех языках
Прокляните змею в веках!

Год Курицы —
Сорок пятый,
Да будет он вечно свят!
У ног вернувшегося солдата
Курица собирает цыплят...
Со всем народом
Тебя пою
Птица,
Прикончившая
Змею!

БЕГ

*Спортсмену-бегуну
Кыдрашу Шумарову*

Рано утром,
Встав с рассветом,
Я бегу,
Бегу,
Бегу!..

Тишиной,
Свободой,
Летом
Надышаться
Не могу!

Я бегу и представляю:
Ты проснулась, над тобой
Свод небесный голубой
Широко цветет, сняя.

На листве роса блестит,
И, как ласковый лазутчик,
Любопытный солища лучик
На лице твоём гостит.

И — похвастаться не стыдно! —
В этот миг я все могу:
Дотянусь,
Добыюсь,
Достигну,
Догадаюсь,
Добегу!

По зеленому простору,
На стремительном ветру:
Выше — в горы,
Выше — в гору!..

Остановят — я умру.

ЗАНОВО ОТКРЫТЫЙ МИР

Я стою у моря на песке.
Что-то птицы говорят друг дружке.
Над волнами солнце вдалеке
Показало розовые ушки.

Я стою у моря на краю.
Слышу, как ликует птичье племя,
Радуюсь, на цыпочки встаю —
Тороплю медлительное время.

Я стою у моря — человек!
Вижу: горизонт разулыбался.
Пена волн бела, что горный снег.
Сами волны — скачут, словно барсы.

Вот притихли. Стало голубей
Море, нежным светом залитое.
Словно золотая колыбель,
Солнце выплывает золотое.

Пастушонок, сын алтайских гор,
Где взметнулась к небу твердь земная,
Как я жил на свете до сих пор,
Этой, здешней, красоты не зная?

Э, да что об этом говорить!
Дух мой молодеет и гордится:
Облик новый красоты открыть
Всякий раз — как заново родиться!

Тишиной,
Свободой,
Летом
Надышаться
Не могу!

Я бегу и представляю:
Ты проснулась, над тобой
Свод небесный голубой
Широко цветет, сияя.

На листве роса блестит,
И, как ласковый лазутчик,
Любопытный солнца лучик
На лице твоём гостит.

И — похвастаться не стыдно! —
В этот миг я все могу:
Дотянусь,
Добьюсь,
Достигну,
Догадаюсь,
Добегу!

По зеленому простору,
На стремительном ветру:
Выше — в горы,
Выше — в гору!..

Остановят — я умру.

КОЛЛЕГИ У ЧЕРНОГО МОРЯ

(Дом творчества)

Где такую толпу я увидеть бы смог?
Вроде — шумно, и тесно, и дружно, а все же
Каждый сам по себе, каждый царь здесь и бог.
И на классиков даже иные похожи!

Тут по-своему каждый, как хочет, высок,
С Карадагом, конечно, при этом не споря.
Тут по-своему каждый, как хочет, глубок.
Но не глубже, конечно, чем Черное море!

Впрочем, я не шучу. Что такое поэт?
Он — кочующий остров в людском океане.
Я и сам проблуждал уже множество лет.
То при ясной погоде, то в сером тумане.

Есть у каждого острова тайна своя,
У кого посложней, у кого и попроще,
И долина своя с лепетаньем ручья,
И вершина своя. И святилище в роще.

Но, бывает, сближаются вдруг острова,
С одного на другой переносятся птицы.
И, сплетаясь, перешептывается листва,
Потому что на время забыты границы.

И опять расстаются надолго они,
По законам своим устремляясь куда-то,
Но в душе остается на долгие дни
Ощущение берега острова — брата.

И у каждого тайна, как прежде, своя,
И вершина, которая часто в тумане...
Отзовитесь, друзья! Как живется, друзья?
Как плывется вам нынче в людском океане?

ЗЕЛЕНАЯ ЛЯГУШКА

Шуршит в траве зеленая лягушка,
Появится — и снова пропадет...
Ах, сердце у меня — как ты, лягушка,
Никак сегодня места не найдет!

Свой край припоминая поминутно,
Где все иное: небо и трава, —
Оно, как ты, лягушка, бесприютно...
Я не стесняюсь этого родства!

В природе нет стыда, вазнайства — тоже.
Не ускользай же в тень и темноту,
Ведь я — не враг, несхожи мы — и схожи,
Ну хочешь, я стихи тебе прочту?

ОБОЖЖЕННЫЕ, НО НЕ ПАВШИЕ ДЕРЕВЬЯ

Трещали и гудели кедры мощные,
Пожар метнулся к небу от земли —
И звезды в нем оплавчились полночные,
Горячими ручьями потекли!

Раскалывая скалы раскаленные,
Пожар не стих, губительный, и днем.
Спасая дом свой и леса зеленые,
Боролись люди с бешеным огнем.

И гибли там сородичи, товарищи...
Их пламя жгло, душил их черный чад.
С тех пор осталось черное пожарище,
На нем деревья черные торчат.

И мертвые, и все-таки не мертвые,
Стоят стволы обугленные те:
Обрубки-сучья, в сторону простертые,
Как будто ищут что-то в пустоте.

И мнится мне — то люди, пеплом ставшие,
Здесь поднялись из безмогильной тьмы:
«Погибшие, но все-таки не павшие,
Мы любим жизни! Средь вас навеки мы!»

ЧУДО-ПТИЦА ЛЮБВИ

(Цикл)

* * *

Чудо-птица любви
Обитает в груди у меня.
Вскинет крылья свои —
И опять я во власти огня!

Ей и голод не страшен,
И сытость ее не смирит:
Выше каменных башен
И круч высочайших парит.

Нетерпеньем своим
Как меня утомляет она!
Нежным пеньем своим
Как мне боль утоляет она!

Встреппенется едва —
Распадаются звенья оков.
Шевельнется едва —
И бессильна вся мудрость веков!

И, случалось, клевали
Враждебные птицы ее,
И мещане плевали
На белые перья ее.

Но презреньем к ханжам
Столь открыто горит ее взор,
Что едва ль ей не в радость
От них клевета и позор!

Крылья цвета мечты,
Крылья цвета чистейшей весны,
Крылья цвета добра
Ей, упрямой и дерзкой, даны.

Мне в плену у нее
Состоять до последнего дня.
Ни усталость, ни старость —
Не освобождайте меня!

Пусть проносятся годы —
Всегда в моем сердце живи,
О подруга свободы —
Моя чудо-птица любви!

ПЛАЧ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Далеко от нас, под Берлином,
Смолкли выстрелы, отзвучали.
Был я мальчиком, был я сыном
Той Победы и той печали.

Было мало в те годы соли.
Было много в те годы боли.

Богатырская, золотая
Стыла в небе луна—подкова,
Но казалось, что на Алтае
Не осталось и духа мужского.
Все ушли на запад кровавый
И в последней, смертельной схватке
Полегли, как один, со славой,
И остались в селах — солдаты,
Молодые, в красе и в силе,
О любви, о ласке мечтали,
Но безмужними села были...
Вот тогда и мы подрастали.

Ты прости меня, дорогая,
Что была до тебя — другая.

Ты прости мне, добрая, верная:
Никого не могу винить я
В том, что нежность робкую, первую
Для тебя не смог сохранить я.

Я разбил бы — не разбивается
Эта чаша горькая, злая.
Я забыл бы — не забывается
И любовь, и нежность былая.

Я забыл бы — не забываются
Косы черные, косы вдовьи,
Вокруг шеи вновь обвиваются,
Оплетают горькой любовью.

Но не стану ее чернить я:
Невиновна, чиста вдова та,
И себя не могу казнить я:
Моя юность — не виновата.

Есть одна во всем виноватая:
Мировая война проклятая —

В том, что в сером сукне суровом
Шли дорогами битв мужчины,
В том, что вдоволь досталось вдовам
Одиночества и кручины,
В том, что первой любви не знал я —
Полудетской, как в книгах пишется...

Где же ты, кого милой звал я?
Голос твой и сейчас мне слышится.
О родные горы зеленые,
Небеса над нами бескрайние,
Юность, пламенем опаленная,
Поцелуи горькие, тайные...

* * *

Это ты, подруга бывшая?
Вот и встретились, видишь, снова.
Как живешь? Ах, вижу и знаю.
У какого костра ночного
Эти косы пепел осыпал?
Или снег то неожиданный выпал?

Обескрылев, поникли плечи
От какой беды неминучей?
Я припомнил давние встречи,
Я печалью пронизан жгучей:
Потускнели глаза подруги,
Потемнели нежные руки.

А была рука твоя белой —
Молока парного белее,
А была ты ягодкой спелой,
Чистым пламенем пламенея
В горной роще, на ветке росной,
Ранней осенью плодоносной!

Да! Всех сверстниц своих чудесней,
Ты была звездой над горами,
Ты была не отзвук, а песня,
Ты была не отблеск, а пламя,
И горел я в пламени этом
Ранней осенью — поздним летом.

Кем я был тогда? Кедром юным
С неокрепнувшими корнями,
Серебрился при свете лунном,
Зеленел погожими днями,
На лихом ветру не ломался,
К солнцу светлому поднимался.

Сорок лет мне сегодня с гаком —
Вдвое с лишним был я моложе.
С необъезженным аргамаком
Было юное сердце схоже,
Кровь по жилам, гудя, летела,
Освежала сильное тело.

Вспыхнул сразу я — только-только
К твоему огню потянулся,
Вспыхнул сразу я — только-только
К твоему огню прикоснулся,
Сам, живой, в огонь превратился...
Много лет спустя — возродился,

Но уже другим, а не прежним —
И задумчивей, и взрослее,
По-другому сильным и нежным,
О свершившемся не жалея.
Что жалеть! К несчастью иль к счастью
То, что было — не в нашей власти.

То, что было — навеки было!
Ничего душа не забыла.

Жадно, горестно ты любила.
Как давно уже это было!
Как мне дороги встречи эти!
Как давно я живу на свете!

* * *

На вершине Западной горы
Чистый снег целуется с закатом.
Ледяные ветры злы, остры,
Грусть и нежность в сердце, болью сжатом.

Снова наплывают с трех сторон
Сумерки над мирными долинами.
Снова слышу смех сквозь даль времен
Женщины с бровями соболыными.

Словно гуси дикие кричат
Грустно и протяжно в бесконечности,
Вновь слова былой любви звучат,
Полные печали и сердечности.

Там, вдали, на снежной белизне
Алый свет заката догорает.
Первая любовь моя во мне
Столько лет бессмертно умирает...

* * *

Любовь приходит бурей, пыль клубя,
А иногда — и ласковым рассветом,
Косулей убегает от тебя
И рысью за тобой крадется следом.

Да! Всех сверстниц своих чудесней,
Ты была звездой над горами,
Ты была не отзвук, а песня,
Ты была не отблеск, а пламя,
И горел я в пламени этом
Ранней осенью — поздним летом.

Кем я был тогда? Кедром юным
С неокрепнувшими корнями,
Серебрился при свете луином,
Зеленел погожими днями,
На лихом ветру не ломался,
К солнцу светлому поднимался.

Сорок лет мне сегодня с гаком —
Вдвое с лишним был я моложе.
С необъезженным аргамаком
Было юное сердце схоже,
Кровь по жилам, гудя, летела,
Освежала сильное тело.

Вспыхнул сразу я — только-только
К твоему огню потянулся,
Вспыхнул сразу я — только-только
К твоему огню прикоснулся,
Сам, живой, в огонь превратился...
Много лет спустя — возродился,

Но уже другим, а не прежним —
И задумчивей, и взрослее,
По-другому сильным и нежным,
О свершившемся не жалея.
Что жалеть! К несчастью иль к счастью
То, что было — не в нашей власти.

То, что было — навеки было!
Ничего душа не забыла.

Жадно, горестно ты любила.
Как давно уже это было!
Как мне дороги встречи эти!
Как давно я живу на свете!

* * *

На вершине Западной горы
Чистый снег целуется с закатом.
Ледяные ветры злы, остры,
Грусть и нежность в сердце, болью сжатом.

Снова наплывают с трех сторон
Сумерки над мирными долинами.
Снова слышу смех сквозь даль времен
Женщины с бровями соболиными.

Словно гуси дикие кричат
Грустно и протяжно в бесконечности,
Вновь слова былой любви звучат,
Полные печали и сердечности.

Там, вдали, на снежной белизне
Алый свет заката догорает.
Первая любовь моя во мне
Столько лет бессмертно умирает...

* * *

Любовь приходит бурей, пыль клубя,
А иногда — и ласковым рассветом,
Косулей убегает от тебя
И рысью за тобой крадется следом.

Коль в юности не встретишься ты с ней —
Она, глядишь, и в старости нагрянет,
Тебя, смешного, сделает смешней
И над тобой сама смеяться станет.

Но благо, если в зрелые года
Судьба твоя любовью озарится:
Тебе земная девушка тогда
Покажется богиней и царицей,

И музыкой покажется гроза,
Волшебной сказкой — тихий шелест леса,
Вода — вином, и жемчугом — роса,
И золотом — кузнечное железо.

О дорогая спутница моя,
Подруга, вереск мой вечнозеленый!
Когда ты рядом — расцветаю я,
Вновь становлюсь, как юноша влюбленный.

Теперь тобой душа моя жива,
Тобой живу — и нет прекрасней дара:
Так расцветает юная трава
В лесу, на месте буйного пожара!

* * *

Смолкла сутолока дневная,
Перешел на шепоты мир,
И гостит тишина лесная
В глубине городских квартир.

Ты уснула. Как птицу сеткой,
Сон накрыл тебя. А луна
Любопытствующей соседкой
Знай торчит себе у окна.

Шум последний вдали стихает,
Полночь дивная настает.
Чудо-птица любви порхает
В тишине. И поет, поет.

Слышу голос ее все ближе,
Мне знакомый уже давно,
И от взора луны бесстыжей
Задвигаю шторой окно...

ФАРФОРОВАЯ ПИАЛА

Два раза в сутки в белой пиале
Передо мной ты ставишь чай душистый,
И пиала дымится на столе,
И радости я полон самой чистой.

Смотрю я на тебя, на двух сынов,
Крепчайшим чаем тело согревая.
Ты смотришь на меня, на двух сынов,
Из пиалы такой же отпивая.

И вечером, и утром пиала
Горячая стоит передо мною,
Как передатчик твоего тепла,
Как солнышко домашнее, ручное.

Все это так — благодаря тебе,
Хранительница счастья и уюта.
Да будут радостны в твоей судьбе
И каждый час, и каждая минута!

* * *

Милая, любимая моя!

Поклоняюсь я глазам твоим —
Звездочкам, чей свет — моя отрада,
Вспоминаю песню водопада,
Прикасаясь к волосам твоим.

Милая, желанная моя!

Эти зубы нежные твои,
Словно первый снег, молочно-белы.
Белое твое волшебное тело —
Так белеют при луне ручьи.

Милая, прекрасная моя!

Есть в любви мгновенья чистоты
Самой высшей, правды — самой высшей,
И не хитрость, а судьбу я слышу
В тех словах, что говоришь мне ты.

Милая моя, судьба моя...

ЖЕНЩИНА ЧИТАЕТ КНИГУ

Море. Парус вдалеке
Возникает, пропадает.
Возле моря на песке,
На пологом берегу
Книгу женщина читает.

Сосен шум и колдовство.
В синем небе тучка тает.
Но, не слыша ничего
И не видя ничего,
Книгу женщина читает.

Стихнет море — и опять
Свежий ветер налетает.
Не спеша со лба убрать
Золотящуюся прядь,
Книгу женщина читает.

Даль подобна миражу:
В тучах город вырастает.
Я тихонько подхожу:
А какую — я гляжу —
Книгу женщина читает?

Но в ответ на мой вопрос —
Только взгляд, грозы сердитей.
Повторил я свой вопрос —
Тихий голос произнес:
«Не мешайте, отойдите!»

Я пристыженный стою,
И душа моя страдает —
И внезапно узнаю:
Это ж, господи, мою
Книгу женщина читает!

Да, она — знакомый вид:
И обложка, и тиснение...
«Не мешай!» — мне говорит,
«Отойди!» — мне говорит
Собственное сочиненье.

Подросло мое дитя,
И уже бесплодны споры.
Я иду один, грустя,
Тонким прутиком чертя
На сыром песке узоры.

Что ж, не каждый ли поэт
О таком в душе мечтает?
Берег моря. Солнца свет.
Даже не взглянув мне вслед,
Книгу женщина читает!

КАК МЫ ЕЗДИЛИ НА ОДНОМ КОНЕ

Я назад листаю календарь,
Возвращаюсь в памятное лето.
Вот опять я молодой косарь,
На работу выхожу с рассвета.

Длинен, душен, зноен летний день,
Капля пота по лицу сбегает.
Ты — учетчица, твоя сажень
Вдоль прокоса вечером шагает.

С каждым разом радостней вдвойне
Видеть мне тебя, мою отраду.
Не забыть, как на одном коне
Мы с покоса ехали в бригаду.

Как джигит, в седле держалась ты,
Статная и смуглая от зноя.
И смущен до полной немоты,
У тебя сидел я за спиною.

Робость неизменную храня,
Я дышал в затылок загорелый.
Вдруг, смутясь, хлестнула ты коня —
И тотчас вперед рванулся Белый!

Так рванулся, будто бы в бою!
Я, должно быть, наземь бы скатился,

Если бы за талию твою —
Сам не помню, как — не ухватился.

Не забыть до нынешнего дня,
Вся ты вострепелась, точно птица.
Но... забыла пристыдить меня
И от рук моих освободиться.

Вдоль дороги пестрые цветы
Венчиками яркими качали.
Юность, юность, время чистоты,
Все — любовь и жизнь — еще вначале!

Ты строга, учетчица, ко мне,
Если нормы вдруг не накошу я.
...Вновь мы едем на одном коне,
Вновь тебя за талию держу я.

Словно пояс — две моих руки.
Ты молчишь: задумалась, мечтаешь?
Смотришь вдаль, на снежные белки,
Будто ничего не замечаешь...

ПЕСНИ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ О МАТЕРИНСКОМ СЕРДЦЕ

1.

Месяц Кукушки вновь на дворе,
вновь трава зелена,
снова земля отошла в тепле
из-под зимнего сна.
Женщины вытащили на свет
праздничные платки.

В школе,
куда я ходил столько лет,
бодро звенят звонки.
Но почему в этот светлый день
на сердце смертная тень?
Черный ком земли, как огонь,
мне обжигает ладонь...

2.

Я приехал ночью к родным,
а над юртой струится дым,
ворох искр через дымоход
поднимается в небосвод...
И родной очаг не погас,
и сестренка, и зять при мне...
Тот же чайник шумит на огне,
только свет материнских глаз
и тепло их — исчезли во тьме.

3.

Год завершил свой круг,
и дикий гусь
из теплых стран
к нам снова воротился...
Растаял снег,
но не исчезла грусть,
хоть Каярлык
в зеленый дым укрылся.
Близ стойбища тоскующий журавль
всю ночь кричал...
Зачем грустить весною?
Быть может, он подругу потерял,
а, может быть, делил печаль со мною?

Я снова воротился в Каярлык,
где мать уснула в земляной постели.
Весенним днем под журавлинный крик
мой виски до срока поседели.

4.

В нежных сумерках перед рассветом
поглядите на Каярлык —
иссечен морщинистый лик,
мягко высвечен тайным светом...
Облик матери,
облик матери...

Ранним утром снова взгляните
на морщинистый Каярлык —
серебрятся ручьи, как нити,
снежной влагой сверкает лик...
Слезы матери,
слезы матери...

В нежных сумерках перед рассветом
поглядите в последний раз:
горы залиты мягким светом —
это свет материнских глаз...
Очи матери,
очи матери...

5.

Цинковыми ведрами гремя,
по утрам нас матери будили,
шли к коровнику.
Коров доили,
запрягали старого быка,

тяжкие бидоны молока
на завод
поспешно увозили.

Холод. Страх. Отчаянье. Война...
Матери детей накормят, косы
на плечи — и со всех ног в луга —
дотемна, пока не лягут росы,
накосить да выметать стога...
А на лицах разом — пот и слезы...

Мать вернется к ночи — и опять
зазвенел в ее руках подойник,
вновь бегом торопится в коровник,
вновь быка ей надо запрягать,
вновь везти бидоны на завод,
а в своем дому полно забот...

А когда она сомкнет глаза —
глядь — уже светлеют небеса.

6.

Рык медвежий раздался ночью,
замычал истошно телок,
и медведь тяжелую ношу
в ночь глубокую поволок.

Ах, пастух, запоздал твой выстрел,
Жги костер, да кричи во тьму...
Утром кровь на траве увидел —
как и чем оправдаться ему?

Зверь унес корову из стада,
но за вред, что приносит зверь,

расплатиться с колхозом надо...
Только нечем... И что теперь?

Ах, пастух, подвела тебя дрема,
коль подкралась беда из тьмы...
Мать в ту ночь оставалась дома,
а не то бы — пропали мы...

7.

Белый телок на зеленом лугу
прыгает, крутит хвостом, веселится,
задом взбрыкнет, словно конь на скаку,
встанет как вкопанный, снова помчится.

Детские годы припомню опять:
белая наша корова рожала
белых телят, и так ласково мать
«Зайчик», «Зайчонок» телят называла.

— Зайчик! Зайчонок! — услышать хочу
эти слова, этот голос заветный.
— Зайчик! Зайчонок! — теленку кричу,
но тот помчался вдогонку за ветром.

Белый телок на зеленом лугу,
как захмелевший от синего мая,
скачет и взбрыкивает на бегу,
воспоминаньям моим не внимая.

8.

Материнское личико
к старости усыхает.
Мать катится, как яичко,
охнет и вздыхает!

Вдруг заболеют веки —
станет слепой навеки!

Я завещаю сыну:
Мать не обидь упреком!
Нарочно нль ненароком...
Я завещаю сыну.

Если обидишь — будешь
клясть сам себя сурово:
Словом себя осудишь
у материнского гроба.
Я, побродивший по свету,
с жизнью поговоривший,
матушку похоронивший —
знаю: роднее нету!

9.

О брате моем не печалуйся, мать,
он старшего брата привык понимать.
А ежели он не услышит меня —
то словом и делом помогут дядья.
Он водит машины по трассам страны.
Он скромн, какими должны быть сыны.
Привычек плохих он в семью не несет.
Он скоро невестку в твой дом приведет.

10.

Мать!
Я хочу поделиться
радостью в нашей семье:
сын из великой столицы
Вас вспоминает в письме!

Вы никогда не видали
нашей столицы Москвы.
Внук ваш сквозь дальние дали
видит хорошие сны.

Пишет,
что Старая Мама*
дверь отворила ему,
будто бы Старая Мама
чай заварила ему,
будто бы жизни учила,
доброе слово нашла,
будто бы благословила
и потихоньку ушла...

11.

Мама,
Вы что-то спросили о внуке Амыре?
Он любопытным и умным растет мальчуганом
все, что творится
в громадном сегодняшнем мире,
знает Амыр,
Путешествуя в книгах по странам.

Краски изводит,
рисует Алтайские горы,
и в дневнике иногда «подтирает» отметки,
и на хоккей иногда убегает из школы,
словом, живет, как живут все его однолетки.

Может быть, время придет,
и как вечную память

*Старая Мама — по-алтайски «бабушка».

Вас нарисует в сиянии солнца и снега,
но, коль случится, художником внук Ваш
не станет, —
должности выше не знаю,
чем пост Человека!

12.

Я опять поругался с женой —
слов бессмысленных наговорил,
и опять я хожу сам не свой —
душу ревностью разбередил.

Сыновей бы стесняться пора,
но ревную — и мучаюсь вновь...
Мама, ты и мудра и добра:
не вини меня — это любовь!

13.

А дядя Тадай
все так же пьет,
мне справиться с ним невмочь...
В город приедет,
ко мне зайдет,
бормочет,
не спит всю ночь,
в вытрезвителе «погостил»...
Конечно,
мы с ним говорим,
но знаю:
меньше бы дядя пил —
была бы ты рядом с ним.

14.

Мама! Не думай, что я хвалюсь —
Я говорю как сын,
Вам открывая душу, и пусть
слышат с горных вершин
голос алтайского пастуха
Лондон, Париж, Берлин,
звуки нашего языка,
шорох наших равнин.
Вы мне дали язык и слух,
красок и чувств запас...
Что такое алтайский пастух —
мир узнал через Вас...

15.

Я рос без отца, и судьба
трепала меня без пощады.
Случались минуты, когда
я плакал от горькой досады.
Но мама, бывало, ко мне
подсядет, ладонью погладит
по бедной моей голове,
и, глядь, все тревоги уладит,
и злобу врага 'растворит,
и сердца неистовый пламень
отходчивым словом смирит...
Но, матушка, ежели камень
мой друг для меня же припас,
то кто без тебя мне поможет?
В какие ладони сейчас
твой сын свое сердце положит?

16.

Снова на свете скрипят колыбели,
снова на свете пеленки-шыются,
снова травы зазеленели,
снова ливни на травы льются.

Мама!

Я помню брата Темира,
помню! — во сне я стремился к брату,
но просыпаясь бродил уныло:
где он? — и где мне искать утрату?

Мама!

Сын у меня родился!
Чтобы он жил,
восхищаясь миром,
чтобы жизнью земной насладился,
я называю его Темиром!

17.

Я говорю себе: брось горевать —
это судьба матерей —
чтобы одних на земле оставлять
бедных своих сыновей.

В юрте огонь, что так дорог и мил,
ближе, чем отблеск звезды,
ярче сиянья небесных светил,
льющих свой свет с высоты.

Мама, я Вас потерял и теперь
понял горечь потерь,
ту, что поймут мои сыновья,
когда их
покину
я.

18.

Есть земное поверье
о бессмертье души.
Если так — то потери
на земле не страшны.
Если так, то, быть может,
повстречаемся мы...
Только что нас тревожит,
что смущает умы?
Тяжела та дорога,
неохота спешить,
мне еще бы немного
да счастливо пожить,
да детей поженить бы,
да на внуков взглянуть...
Словом, крепкие нити
в даль времен протянуть.
Не хочу торопиться
в нежилые края —
за душою страница
ненаписанная!

И покамест я таю,
погружаясь во мглу,
может быть, что Алтаю
я стихом помогу.
Может быть, я добавлю
в мир крупницу любви,

край родимый прославлю —
мама, благослови!
Тяжесть жизни и долга
разместились в груди...
Так что ждать меня — долго,
но ты все-таки жди.
Грянет черная дата,
остановится кровь...
И быть может, тогда-то
мы увидимся вновь.



*Стихи
разных лет*

АВТОБИОГРАФИЯ

Я падал много раз:
То споткнешься на ходу,
То поскользнешься на льду,
То наткнешься на беду.
Я падал много раз.
Благословляю те места,
Где падал много раз.

Я плакал много раз:
То мама грудь не давала мне,
То я ее ждал в чужой стороне,
От большого горя рыдал,
От большой радости тоже рыдал.
Словом, я плакал много раз.
Благословляю те места,
Где я плакал много раз.

Еще немало я проживу,
Падать и ушибаться буду.
Вставать и подниматься буду.
Возмущаться буду.
Восхищаться буду.
Еще немало я проживу.
Благословляю те места,
Где дорога моя пролегла.

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

В сторону анкеты!

Суть — в одной
Истине, чей свет нам драгоценен:
Все, друзья, мы родились весной —
Той весной, когда родился Ленин.

...Волга билась в берег. Вся дрожа,
На ветру

капель роняла ветка.
Русь плыла, как тяжкая баржа,
Сквозь туман трагического века.
А в долинах, где Катунь-река
Льется, вся от неба голубая,
Умирало счастье бедняка,
Как цветы под сапогами бая.
Старый мир бесправия и зла,
Смог ли ты почувствовать глубоко,
Что в тот день

через тебя легла
Трещина,
чуть зримая до срока?
Пролегла средь улчных торцов,
Потянулась к тюрьмам и кордонам,
Тронула фундаменты дворцов,
Снизу вверх взбежала по

колоннам...
Дед мой, живший от столиц вдали,
Гнувший спину, в кровь стиравший руки,
Знал ли ты, что в день тот обрели
Счастье

неродившиеся внуки?
Будоража старое житье,
Паводком врываясь на просторы,
Шла весна —

и первый гром ее
Грянул с борта
крейсера «Аврора»...
В сторону анкеты!

Суть — в одной
Истине, доказанной на деле:

Все, друзья, мы родились весной,
В том
бессмертном
ленинском
апреле!

* * *

Мой народ!
Я хочу быть конем
Иль могучим быком,
может быть,
Чтоб тебе
безотказным трудом
До конца своей жизни
служить.

Я тебе
буду верен,
как пес,
Лишь позволь
охранять твой порог.
Буду драться
до крови,
до слез
За малейший
лесной
уголок.

Дай
набрать мне
для честных стихов,
Чтоб они
пережили века,

Самых
 нежных
 и правильных слов
Из глубин
 твоего родника.

Дай мне краски
 Алтайских хребтов
На рисунки
 для будущих книг,
Защити
 от коварных врагов
Мудрой правдой
 сказаний твоих.

Дай
 сгореть мне
 священным огнем
В негасимом
 твоем очаге...
Мой народ!
 Я родился в тебе
И умру
 у тебя под крылом!

* * *

Я — горного кедра колючая ветка!
Расту. Зеленею. И с первого дня
Гроза надо мной пролетала нередко
И молнии косо метала в меня.

Я знаю: цветут по долинам березы:
Я знаю: шумят в городах тополя.

Там ветры потише, помягче морозы,
Там корни щедрее питает земля.

Но я вот привычней к суровой природе,
К неласковой почве, к высокой свободе,
Где рядом орлы и орлицы парят.
Не мне, извините, расти в огороде,
Не мне, уступая погоде и моде,
Менять по сезону свой цвет и наряд!

Люблю на осеннем рассвете проснуться,
Услышав раскатистый выстрел ружья.
Люблю — пусть единожды в год! —
прикоснуться
К руке зверолова, шершавой, как я.

Когда же в долины устало и хмуро
Спускается сумрак — люблю до утра
Предания слушать под звуки топшура,
Дыша горьковатым дымком от костра...
Секло меня, било дождями и снегом,
Но я продолжаю — назло! — зеленеть.

Я — горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!
В расселины камня вцепившись корнями,
Упрямые соки по жилам гоня,
Зажег он меня, как зеленое пламя...
Из сердца однажды он создал меня!

Как ветер ни свищет, как выюга ни злится—
Мне стойкости хватит на битву с судьбой.
Я с кем-нибудь даже могу поделиться...
Мой друг неизвестный!
Быть может, с тобой?

НОЧЬ В ГОРАХ

Ночь. Алтай.
Луна — как сережка.
Четкий профиль горной гряды.
Можно трубку, привстав немножко,
Раскурить от любой звезды.

Тишина...
Но скажу одно я:
Кто нелепость придумал ту,
Будто можно, мол, тишиною
Звать
Лишь мертвую немоту?

Будь слова бездушные эти
В самом деле всегда верны,
Никогда, ни за что на свете
Не любили б мы тишины...

Встаньте рядом, дайте мне руки,
Я рассказывать вам начну:
Различимей дальние звуки,
Как сквозь линзу,
Сквозь тишину.

Вот марал протрубил на склоне,
Кедр под ветром запел струной.
Вот
На пастбище где-то
Кони
Бьют копытами в шар земной.

Тишина.
Колыханье веток...

И костры зажглись на земле,
И сквозь ветки мне виден свет их—
Весть о дальнем
Живом тепле.

...Если будете в нашем крае
И костер вам блеснет сквозь тьму,—
Время попусту не теряя,
Поспешите в гости к нему!

Чашка будет.
И трубка будет.
Просто, искренне встретят вас
Чабаны — достойные люди, —
Как встречают меня сейчас.

Не спеша разговор наш длится —
Будем вместе встречать зарю...
Про ученье,
Про жизнь в столице
Я в подробностях говорю.

И невольно припоминаю,
Как была мне и там нужна
Эта чуткая и земная,
Эта горная тишина.

Здесь мой край. И совсем не чудо,
Что в рассветной плывущей мгле
Мне слышней бывает отсюда
Поступь Времени по земле.

СОЛЬ

Раз повстречался парень один
В горах со своей судьбой.
Она держала в одной руке
Сахар, а в другой — соль.
«Что выберешь ты, — сказала она, —
То будет всегда с тобой!
Подумай теперь, — сказала она, —
И выбор сделать изволь».

Задумался парень. Думает час,
А может быть, два часа.
Судьба терпеливо стоит и ждет:
Что скажет он наконец?
И чудится парню, что слышит он
Знакомые голоса.
«Сахар!» — совет подает сосед.
«Соль!» — говорит отец.

И вспомнил парень рассказ отца:
Когда-то давным-давно
Не стало соли, кончилась соль
В один неудачный год.
И пропотевших людских одежд
Грубое полотно,
Без соли страдая больше людей,
Жевал ошалевший скот.

И уходили мужчины в путь,
Долгий, словно зима,
За солью, с виду такой простой
И драгоценной столь.
За солью, белой, как снег вершин,
Желанной, как жизнь сама...

Вспомнил парень и твердо сказал:
«Я выбираю соль!»
Он много троп и дорог прошел,
Он людям в глаза смотрел.
Он побратался с трудной, мужской,
Лучшей из лучших доль.
Он в реках тонул — и не утонул,
В огне горел — не сгорел,
Он жизнь до конца изведal на вкус:
И сладость ее и соль.

Когда ж он закончил жизненный путь,
Став белым, как соль, как снег,
О нем говорили так земляки:
— Сегодня ушел от нас
Крепкий, как соль,
Нужный, как соль,
Товарищ.
Соль-человек!

А приторно-сладких, сахарных' слов
Никто не сказал в тот час.

СВЕТИ!

Эту ночь я проспал

высоко в облаках.

Мое ложе — гора.

Грудь мою

переполнили

ветры тайги до утра.

До утра
шелестела трава о себе,
и деревья рассказывали о себе,
о звериных делах и о птичьих делах.

До утра
сказки рассказывались,
до утра.

Эту сказку нигде никогда
не слыхала еще детвора.

Где-то рядом мой конь
до утра хрумкал травы свои.

И уздечка его
мне отделкой напомнила спинку змеи.

Были волки в округе,
но я беспечально заснул,

Потому что великие горы
не снимали всю ночь караул.

Никогда я так долго не спал
и так сладко не спал.

Никогда таким легким себя я не знал,
таким бодрым не знал.

Подо мною внизу,
далеко-далеко от меня,

Юным небом умылись
молоденькие зелены.

По логам и оврагам,
а их без числа на Алтае,

Пробирались бессчетные реки Алтая,
шумя и болтая,

Шумным стадом спускались,
синели, как вены.

В этот миг возросли мои силы
внезапно, необыкновенно.

Захотелось мне так
рассмеяться,
расхохотаться,

Чтоб гора за горою

качнулись

и стали шататься.

До конца

В ЛИКОВАНЬЕ

я бы стоял на своем.

Чтобы горные реки

ввысь брызнули

СВЕТЛЫМ ДОЖДЕМ.

Даже солнце, зерна счастья .

посеявшее для меня.

Показалось мне птицей.

очень маленькой

слепленной из огня.

И словами поэта

я крикнул ему

что есть силы:

Бейся, красное сердце мое,

свети, огневое светило!

* * *

Во мне угнездилась большая тоска.

Горечь горькую я таскал.

Потому что я сын

маленького народа.

Думалось: переплыву океан,

Прорвусь сквозь волны, ревущие в нем,

Прибуду в чужие города,

Чьи окна залили полмира огнем,

А там посмеются,

а там попрекнут,

При встрече смеряют взглядом косым

Или обидным словом кольнут:

— Ты маленького народа сын,

Зажатого,
затерянного в горах!..

Сегодня я победил этот страх,
С этого дня
Печаль не мучит меня.
Я не смущаюсь,

наоборот,

Горжусь тобой,
Мой маленький, черноголовый народ.
С высоко поднятой головой,
Нации своей не стыдись,
прохожу.

А почему? Сейчас расскажу.
Слушайте, люди!
Сколько алтайцев?

Пятьдесят тысяч.

Мало? Мало, что ни говори,
Но не так уж мало, в конце концов!
Свои у алтайцев богатыри.
Своих среди нас найдешь мудрецов.
А тот, кто сегодня не найдет,
К нам завтра

за мыслью и мощью

придет!

Алтайские девчата,

алтайские ребята,

К вам обращаюсь,

вам говорю:

Чтобы невидимое увидеть,
Чтобы неслышимое услышать,
Головы выше,
смелее дерзайте,

Молнией мысли

мир освещайте!

Если, земляк, есть у тебя, пусть небольшой талант,
Можешь умножить его стократ, тысячекрат

В дальних дорогах,
в исканьях^х больших,
В шелесте многих
трудных книг.
Только не экономя труды,
только не бойся беды.
Чтоб не было вовсе страшно тебе,
чтоб ты сражаться мог,
Черт ли выйдет из-под земли,
С неба ли спустится бог!
А если побежденным падешь
на родимую землю свою,
Люди скажут:
он погиб,
но он погиб в бою.
Знаю попытку — и не одну —
лодочников-смельчаков
переплыть
громыхающие моря.
В синих морях шли ко дну,
зеленых не увидев берегов,
но погибали не зря.
И сын простого рыбака
море преодолел на челне,
Чем прославил свой народ
и полюбился мне.
Пусть малой пташкой
родился ты
в тиши горных хребтов —
Стать Кан-Кереде,
величайшей из птиц,
ты должен быть готов.
Чтобы врезаться
в скопление звезд,
в глубины земных пластов.

Если ты просто железный нож
 в деревянных ножнах бедняка,
Пусть закаляет тебя огонь,
 остужает тебя река.
Десятикратно охлаждена
 и столько же раз горяча,
Плоть твоя навсегда обретет
 силу и прочность меча...

Мир!
Слушай меня и ликуй:
Я не печалюсь,
 что мой народ — маленький народ.
Это бремя я сбросил с плеч
 и гордо иду вперед.
Происхожденьем своим горжусь
 и тем, что честно тружусь,
А также тем, что родной земле,
 наверное, пригожусь!

Ищу надежную тропу
 среди непролазных троп.
Щупает звездную толпу
 глаз моих телескоп.
Среди человечества я брожу
И человека в нем нахожу.
Вот неприступный уступ горы загородил зарю.
День проходит — я бурю.
Ночь наступает — бурю.
И если я проторю пути,
 незнакомые до сих пор,
Или слова сумею найти,
 проясняющие взор,

Кто же тогда
 раскроет рот,
Чтобы сказать,
 что мой народ — маленький народ?

ГОЛОС СНЕГА

Голос снега, голос снега,
Ты всегда в пути со мной —
Вечный зов родного неба,
Эхо гор земли родной.

Снилось мне:
Горело поле,
Буря била через край.
Я тогда впервые понял
Твой суровый нрав, Алтай!

Голос снежного Алтая
Был надеждою живой,
А краса родного края —
Путеводною звездой.

Тихий вздох Отчизны нежной
Мне сопутствовал в пути,
Белых сопок голос снежный
Продолжал за мной идти.

А когда весна настанет
И сугробы оживут,
В ручейках снега растают
И под солнцем запоют.

В пояс всадникам былинным
Травы встанут.
И тогда
Отползут снега к вершинам,
В поднебесье, в царство льда.

Осень в дымчатом уборе,
Уходя, оставит след
Долгих снов...

Но землю вскоре
Вновь накроет первый снег.
Вновь родной Алтай, как жемчуг,
Засверкает белизной,
И в горах снега зашепчут,
Собираясь в путь со мной...

Пусть беда лихая будет
Ждать среди чужих степей —
Чистый голос
 снежной бури
Навсегда в крови моей.

ПИСЬМО НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

...Эта горькая весть разминулась со мной,
И провел я весь день, не грустя, не скорбя,
Потому что не знал я,

Продолжает кружиться — что шар наш земной
уже без тебя.

У поэта Шатры в нашем отчем краю
Я в селе Каракол в это время гостил.
Вспоминали друзей,

пели песню твою:
«...И архангельский дождик
На меня моросил...»

В то село Каракол не идут поезда,
То село далеко
От проезжих дорог,
И стоит над селом голубая звезда,
Как в одной из твоих вечно памятных строк.

В эту звездную ночь
 тих, пустынен Алтай,
Далеко на Тверском — наш родной институт.
Эх, Шатинов Шатра, вслух стихи почитай,
Пусть замедлится бег торопливых минут!

Благодатного лета кончалась пора,
И уже, набираясь для осени сил,
Русским строчкам в горах подпевали ветра:
«...И архангельский дождик
На меня моросил...»

Помнишь, Коля, как съехались мы на Тверской,
Кто откуда, со всей бесконечной страны,
Помнишь долгие споры над чьей-то строкой
И надежды, которых мы были полны?
Мы росли,
 становились умней и взрослей,
И сближались народы, сближались края.
По соседству с твоею

«Звездой полей»¹

«Ветка горного кедра»²

 качалась моя...

Помнишь, мы по Алтаю бродили с тобой.
— Что за дивная силища в этой волне! —
Ты сказал о Катунь моей голубой,
И не скрою,
 что это понравилось мне.

Полюбились тебе наших гор тишина.
— Я еще непременно приеду сюда!.. —

¹ «Звезда полей» — книга поэта Н. Рубцова.

² «Ветка горного кедра» — книга Б. Укачина.

Заверял ты меня,
и твоя ли вина,
Что теперь не приедешь уже никогда.
И не верится мне, что с тобою вдвоем
На земле, где ты голову гордо носил,
Мы уже никогда-никогда не споем:
«...И архангельский дождик
На меня моросил...»

СТИХИ О КОНЕ

Кони, кони алтайских отеческих гор!
Я с младенческих дней вам товарищем был.
Побродив и поездив по свету,

с тех пор
Много видел я, кони, но вас не забыл.
О игрушки мои — бабки диких косуль!¹
В каждой косточке, помню,
я видел коня.

А позднее —
стремительней ветра и пуль —
Неоседланный конь
нес мальчишку,
меня.

Там на каждой тропе —
ваш отчетливый след,
Там, на волны кося понимающий взгляд,
Утром кони из речек
пьют горный рассвет,
Вечерами
из речек
пьют горный закат.

¹ Бабки диких косуль — любимые игрушки детей на Алтае. Обычно в играх они обозначают различных животных.

Мы беседуем с ними
на «вы», как с людьми,
Уважительный, добрый обычай храня...
Но забыть не могу я — читатель, пойми! —
Как недавно
я в городе встретил коня.
Запряженный с утра, в след машинных
колес
Он ступал тяжело.
Он дышал тяжело.
И пустые бутылки он в ящиках вез —
Громыхало,
звенело и пело
стекло.
Я в глаза поглядел мимоходом —
друг?
Убедился: не видят, уснули глаза!
Что приснилось тебе,
добрый старый мой друг?
Может, утро в горах
и на травах роса?
В такт кивая шагам, по асфальту бредешь,
Гул трамваев и запах бензина терпя...
О товарищ мой,
как на тебя я похож!
О, насколько же я не похож на тебя!

СТАРИК

Осень листья желтые роняла,
Но еще далек был первый снег.
Сотню лет прожив —
совсем немало! —
Умер на Алтае человек.

Он с людьми сегодня расстаётся,
Не вздохнет и не поднимет век...
Но в сердцах, как прежде, остаётся
Он,
 земляк мой,
 вечный человек.

ПОСЛЕ ПЕРВОГО СНЕГА

Ал. Михайлову

Вдруг изменился белый свет —
Под утро выпал первый снег.
Дышать легко. И чуткий слух
Свободно ловит каждый звук.

Белее хлопка снег лежит,
Глаза усталые слепит.
Но я смотрю в седую даль
И прошлого совсем не жаль.

Оттуда я к мечте шагал —
За перевалом перевал.

И в чистый снег легли следы —
Счастливый след и след беды.

Позор мой ехал на быке,
А слава мчалась на коне.

— Жизнь не разменивай зазря! —
Учили верные друзья.
— В твоих руках судьба твоя, —
Твердила матушка-земля.

И внял я добрым голосам,
Свои грехи исправил сам.
Мой путь в себе запечатлел
Грядущим побед и славных дел...

Мой первый снег, как белый лист,
Все так же свеж и так же чист.
И я — в дороге, на коне,
И мир открыт навстречу мне!

* * *

На тебя загляделся Алтай,
Ты на диво светла и юна.
Ты как горный цветок — танталай,
Ты как птица тайги — агуна.

Вдоль таежных грохочущих рек
Ты проходишь в одежде простой,
И лицо, словно выпавший снег,
Дышит нежностью и чистотой:

Ты выводишь отару в луга,
А когда золотые, с каймой,
Запылают огнем облака,
Возвращаешься с нею домой.

Где-то полночь ступает, темна,
По следам отшумевшего дня.
Ты не слышишь ее. Ты одна
Тихо с книгой сидишь у огня.

Ах, как хочется все повидать,
Побывать далеко-далеко!
Но больна твоя старая мать —
И прожить ей одной нелегко.

Пробудилась тайга. Облака,
Розовея, проходят над ней.
Начинается день, как река,
Что летит, грохоча, меж камней.

Ты еще не проснулась?.. Вставай!
Плещет в берег, волнуясь, волна.
Ты как горный цветок — танталай,
Ты как птица тайги — агуна.

ЛЕЧУ

Н. Самохину

Лечу. Рыжий месяц рыжим щенком
Весело скачет за мною следом.
Горы меня провожают молчком —
Так провожали нас наши деды.

Лечу. Окутана гор гряда
Облачным предрассветным дымом.
В иллюминаторе звезд стада,
Словно косули, мелькают мимо.

Лечу. Горит голова моя
В зареве завтрашнего рассвета.
Миру скажу об Алтае я —
Я, часовой на посту поэта.

Сплетни и мелочи отошли,
Грязь и завистники отступили...
Вот удалился я от земли,
Освободился от мелкой пыли.

Лечу. Быстрокрылая, как самолет,
Только мечта меня направляет.

Берег далекий торопит, ждет,
Край мой родимый благословляет.

Лечу. Подъем самолета крут.
Кажется мне, что и сам расту я.
Нет нам преград на пути. Маршрут
Прям. Обнять готов высоту я.

...Вот прилетел. Но и здесь, вдали,
Месяц-щенок не теряет след мой.
Солнцем восточной моей земли
Запад встречает меня приветно.

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК

Где же ты, мой голубой цветок,
Где же ты, бессмертие мое,
Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие?

Я ищу не первый год подряд.
Где же лепестки твои горят?
Ты отводишь горе, говорят,
Юность возвращаешь, говорят!

Не цветешь ты в комнатном тепле.
Не даешься в руки за рубли.
Сколько смелых на пути к тебе
Снежные лавины погребли!

И поныне этот путь не прост.
Торопясь к тебе, моя мечта,
Я спугнул немало тихих звезд,
Мирно спавших на краю хребта.

К тем вершинам, где живут орлы,
Вновь спешу я нынче за тобой.
Где, в какой расселине скалы
Ты расцвел, цветок мой голубой?

Может, с наковальни кузнеца
Ты дымком поднимаешься к звезде?
Может быть, взойдешь, томя сердца,
В этой строчке, словно в борозде?

Корень счастья, поискѐв итог,
Пламени живого острие —
Отзовись, мой голубой цветок,
Отзовись, призвание мое!

* * *

Осень. Пусто в горах.
У бегущей воды —
Хоть еще не застыла —

стада не теснятся.

Их прощальные,

вмерзшие в землю следы

Под покровом снегов до весны сохраняются.

Старый кедр недовольно шумит на ветру.

Все березки стоят беззащитны и голы.

Смотрит в юрту бродячий туман поутру —

Ни души. И скучают, как женщины, горы.

Словно вдовы стоят неподвижно тихи,

А кругом по долинам — ни слова, ни смеха.

— Эге-гей! — я кричу. — Где ж вы все,

пастухи!

— Эге-гей!

Эге-гей! —

откликается эхо.

* * *

Я денег много не скопил,
Но жил наверняка!
И то, что безлошадным был, —
Беда невелика!

Но если нету очага
И нет своих детей, —
Вот это, братец мой, беда —
Любой беды страшней!

Благодарю свою судьбу!
Я жизнь прожил не зря!
Очаг отцовский берегу,
И рядом — сыновья!

* * *

Моей матери

Раз проснулся я: луна
У дверей — такая робкая!
Показалась мне она
Нашей белою коровкою.

Точно так она ждала —
Без мычания, без жалобы,
Чтобы ты к ней подошла,
Подонла, приласкала бы.

...Ночь синела, глубока.
Мне приснился голос матери
И парного молока
Кружка полная на скатерти.

К. Т.

Если ты во сне увидишь,
Как сосна в росе искрится,
Знай, родная: это слезы,
Те, что пролил я в тиши.
Если ты во сне услышишь
Дальний крик подбитой птицы —
Чутким сердцем догадайся:
Это зов моей души.

Если ты во сне увидишь:
На Семинском перевале
Снег не к сроку выпал, значит,
Поседел в разлуке я.
Если ты во сне увидишь
Белый путь, бегущий вдали, —
Значит, встретимся не скоро,
Ненаглядная моя.

Если ты во сне увидишь
Тихий холм моей могилы —
Не пугайся: это к долгой
Жизни, говорят, как раз.
Если ты во сне увидишь,
Что очаг наш загасило, —
Ты не верь! Возможно ль, чтобы
Жар любви моей угас!

* * *

Женщина расчесывала ночь,
Стоя перед зеркалом.

А мимо

Проходило солнце.

Ах, к любимой

Приласкаться и оно не прочь!

Сквозь окошко потянулось косо,

В пряди запуталось густой...

И вплела

моя

родная

в косу

Тонкий-тонкий лучик золотой.

* * *

Вблизи села, в кладбищенском логу,
Брожу среди могил.

О, многих здесь припомнить я могу,

И многих я любил!

И не поправить тут, и не помочь:

Их дело — решено.

Их вечная сейчас объемлет ночь.

Теперь им все равно.

Идет ли дождь, хорош ли урожай

На их полях родных...

Им ничего теперь уже не жаль,

Нет радостей у них.

А мне еще на свете долго жить
(Надеюсь, это так!)

И много песен солнечных сложить
(Надеюсь, это так!),

И на ноги поставить сыновей
(Ведь у меня их — два!),
И, может быть, услышать от людей
Хорошие слова.

Ах, в милой жизни, шумной, как река,
Пьянящей, как вино,
Хочу успеть побольше я, пока
Мне станет все равно!

ДОЧЬ ЧАБАНА

— Ты откуда явилась
На белый свет?
Нежней цветка,
Свежей ветерка,
То ли ты русалка — чудо речное,
То ли эхо лесное?

— Нет, я дочь чабана,
Мое имя — Чачак,
А у племени нашего имя — кыпчак.
Я алтайская девушка,
Дочь чабана...
— Ты, наверное, с синего неба.
Сошла.
Ты русалкой, наверное,
В синей речке была.
Твои волосы —
Легкие тени ветров.
В твоем голосе —
Шепоты звездных миров

У меня слабеют руки,
Сердце стонет, как струна.
Что за дьявольские штуки
С нами делает весна.

Я сейчас пройду сквозь двери,
Потеряю даже след...
Но она еще, я верю,
Просмеется много лет.

ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНИЕ

По горной узенькой тропе,
Опасливо ступая,
Сошла к серебряной реке
Босая женщина в венке —
Пастушка молодая.

Вокруг прохладой дышит лес,
И горы громоздятся,
И волны в поисках чудес
Отчаянно резвятся.

И — ни души в лесу пустом...
Но кажется пастушке,
Что кто-то скрылся за кустом,
Что солнце вслед за ней тайком
Прокралось до опушки.

Стыдясь насмешливых лучей,
Разделась торопливо,
В студеный утренний ручей
Ладони опустила.

И, споря с быстрою волной,
Качнула стройным торсом,

Сплела за круглою спиной
В тяжелый узел косы.

Живой водой омыла грудь,
Побрызгала на плечи,
Решила все-таки рискнуть —
И прямо с берега нырнуть
В объятия синей речки.

Мгновенный всплеск! Она в воде
Кружится, приседает,
И ветер, путаясь в волне,
Ей косы расплетает...

Но свист послышался в ветвях.
Пастушка оглянулась,
К одежде, спрятанной в кустах,
Испуганно рванулась.

И замерла. Навстречу ей,
Опасности не чуя,
Метнулась вдруг из-за ветвей
Красавица косуля...

В глазах косули виден страх.
Пастушки хрупкой плечи
Дрожат, как тонкая листва...
Два совершенных существа
В момент неожиданной встречи...

Вновь раздается тонкий свист,
Все глубже их смятенье...
О, не спеши, остановись
И в горной речке отразись,
Прекрасное мгновенье!

* * *

Дремлет мир под звездами большими,
Только я не сплю да ты со мной.
Тихо-тихо.

«Горные вершины, —
Вспоминаю, — спят во тьме ночью...»
Чуть курятся
синие отроги,
Птица на ветвях не засвистит,
И прямой,
по-лермонтовски строгий
«Сквозь туман кремнистый путь блестит».
Где-то дети дремлют, разметавшись, —
Пусть к ним сны хорошие придут!
Где-то степи дремлют,
размечтавшись
О хлебах, которые взойдут.
Тишина,
свернувшись,
спит в бутонах,
И миры полночные горят.
Тихо-тихо.
Лишь сердца влюбленных,
Как звезда с звездой, говорят...

ИСЧЕЗНУВШИЕ ПТИЦЫ

Вы, алтайцы мои!
О народ мой родной!
Помогите
в раскрытии тайны старинной одной!
Говорят,
Что когда-то в далеких замшелых веках
Чудо-птицы летали в Алтайских горах.

Где они, эти птицы?
Быть может,
их перестреляла война?
А, может быть,
другою бедою
Порода их истреблена?
Люди рассказывают,
На Алтае когда-то жила
Птица, именем — Кулады,
Но большая или маленькая была,
И какой был голос у ней,
И окраска —
была ли печали черней
Или, может быть, снега белее была?
Неизвестно,
Но рассказывают,
Что когда-то вот здесь,
На Алтае жила.
Птицы нет Кулады,
А селение есть Кулады.
Там поют вечерами,
Дневные окончив труды:
«Нет скалы
среди скал,
Не садилась чтоб там
Кулады,
Я и года в веках не сыскал,
Где бы мы не узнали беды».
О народ мой родной,
Неужели ты счастья
В веках не встречал?
Неужели таскал на плечах
Только горе, беду и печаль?
Расскажи мне, гора,
Расскажите, родные леса,
Про диковинных птиц,

Про расцветку пера,
Про веселые их голоса!
Люди сказывают:

Когда-то

Здесь росло и цвело

Птичье племя

по имени Дёло.

Кто их гнезда зорил?

То ли град их побил?

То ли буря рассеяла их?

Но куда улетели птицы

с именем Дёло?

Почему их напев

в наших горных урочищах стих?

Что за птица была?

Зла?

Быть может, добра?

От нее не осталось

и маленького пера.

Ни пера не осталось,

Но имя — осталось.

Поедем в село,

Именующееся и теперь Дёло.

Там живет моя мать,

Мы попросим, чтоб спела она

Про судьбу этой птицы,

Про сказочные времена:

«О когда же окончится

ожидания час?

О когда же наступит свидания час?

О когда же скалу

Осенит и согреет крыло

Птицы —

с именем Дёло?».

Я опрашивал горы,

Спрашивал я леса,

Я упрашивал синие небеса:
«Неужели исчезли даже следы,
Неужели навеки время прошло
Птиц по имени Кулады,
Птиц по имени Дёло?
Говорят, они гнезда здесь вили,
Кормили птенцов,
Говорят, что в этих деревьях
Пели,
Что в этой листве шелестели.
Неужели,
 в конце концов,
Навсегда они улетели?
Неужели
 в чужой стороне,
Опереньем блистая,
Вспоминать не хотят обо мне,
О просторах Алтая?
Неужели не снится, птицы,
 родина вам,
Как вы родине снится?
Отзовитесь,
Вернитесь!»

УТРО

Звезды в небе надо мной
Исчезают по одной...

Без предела, без границы
Рассветающий простор.
Солнце вскинуло ресницы
Золотые из-за гор.
И восходит величаво
По ступеням высоты...

— Здравствуй, Солнце! —

шепчут травы,

— Здравствуй! — клонятся цветы.

Словно сын пришел с чужбины,

Мать-земля встречает сына:

— Здесь твой дом! Входи!

Сходи!

И глаза ее лучатся,

И роса, как слезы счастья,

Высыхает на груди...

СЛЕЗЫ

К. Телесову

Ты знаешь, что разные слезы бывают...

Бывает —

Они, как свинец, убивают,

Бывает —

Как дождь в раскаленные дни,

Надежду и жизнь

Возвращают они.

Ты видел, товарищ, как плачут мужчины?

Их слезы — тяжелые слезы.

Морщины

От них на щеках остаются навек,

Как русла бесплодные высохших рек.

Ты знаешь, что разные слезы бывают.

И разны они

На глаза наплывают:

Темны, как измена,

Светлы, как лучи,

Как смерть, холодны,

Как любовь, горячи.

Сумел бы немало про них рассказать я!
Нежней, чем объятье,
Черней, чем проклятье,
Бывают они.
И не ясен ответ:
Как все-таки —
Верить слезам или нет?

Но, может, важнее всего для поэта:
Людей повидавши,
Объехав полсвета,
Под кровом, что памятен с детской поры,
В слезе материнской
Увидеть
Миры!

НА ОСЕННЕМ РЫНКЕ

Я люблю осенние базары —
Рад по ним шататься хоть полдня!
Волны остывающего жара
Обдают
со всех возов
меня.

Вот лежат арбузы, полыхая
Мякотью...

Какие толстяки!

Будто на прилавок, отдыхая,
Положили головы быки.
Здесь, как в чаще, узкая дорожка,
И базар,
как добрый лес, гудит.

Крупная,
глазастая картошка
Из мешков на горожан глядит.

Вот старик,
 лукаво дрогнув бровью,
В круг — на пробу — яблоко пустил:
— Ешьте, покупайте на здоровье,
Новый сорт, сам вывел, сам растил!
Но ловлю внезапно в общем гуле
Крик, летящий в сторону мою, —
Словно в спину кулаком толкнули:
— Подходите! Землю продаю!
Оглянулся...

 Парень, сбитый плотно,
(Что ни слово — по сердцу ножом)
Поясняет каждому охотно:
— Как же!

 Настоящий чернозем!
Сам привез! Для комнатных растений! —
Говорит, угодливо юля.
...Я стою,

 взволнован и растерян:
В банках, в крышках —
 вот она, земля.
Та, что мной любима, по которой
Сделал я когда-то первый шаг!..
И молчу, расплакаться готовый,
«Покупайте землю!» —

 как же так?
Может, я насмешки чьей-то стою,
Может, лишним пафосом грешу.
Но тогда хотелось мне, не скрою,
Рот набить землею торгашу.
Чтобы вкус ее нелегкой соли
Научился парень понимать!
Подхожу — как будто из неволи,
Из недоли

 собственную мать
Выкупаю!

Не сказав ни слова,
Из кармана деньги достаю.
Мне рублей не жалко,
лишь бы снова
Не услышать:
«Землю продаю!..»

* * *

Всему грядет конец законный.
Судьба людская под луной
Идет над пропастью бездонной
Скользящей, узенькой тропой.

Мы все умрем.
А эти горы
Стоять останутся навек,
И солнце сквозь века и годы
Продолжит свой циклический бег.

Но помни:
Истина святая
Путь освещает далеко.
А мы с тобою с Онгудая,
И племя наше велико.

Мы, умирая, скажем смерти,
Что реки, горы и поля
Не пропадут без нас на свете —
Бессмертна юная земля.

Две тропки
Спор продолжают странный
На много-много лет вперед:
На этой расцветут тюльпаны,
А та — полынью порастет...

И пусть над скатертью цветною
Сияет солнце дотемна,
А ночью над травой сухою
Восходит бледная луна.

* * *

Во сне
Я много раз умирал
И всех родных
И друзей собирал.

Губы шевелились едва-едва,
И падала теплая слеза,
И падали теплые слова
На мои холодные глаза.

Бледный свет чуть трепетал —
Лампадный огонек,
А я лежал в гробу и читал
Свой собственный некролог.

И шли поезда
по моей груди,
Составы текли рекой,
И кто-то
далеко позади
Махал из окна рукой.

И вновь собирались ко мне друзья,
И сестры,
и сыновья,
И мать моя,
И жена моя,
И радовался я:

Ну что плохого в смерти моей?
Ну кто бы подумать мог:
Лучше рецензий и статей
Газетный некролог!..

В сущности, приятный сон:
Всех родственников поглядел...
Утром, только кончился он,
Я за столом сидел.

Рассказывал детали жене,
Потом на работу спешил,
И мысли бежали, бежали ко мне,
Выбивались из сил.

МАЛЫЕ НАРОДЫ

У малых народов и нынче на свете
кое-какие заботы свои.
Звучит наш язык, улыбаются дети —
так как же забыть нам заботы свои?

Охотники мы, пастухи, скотоводы,
привычен костров нам клубящийся дым.
Но только ли в этом призвание народа?
Но только ли этим себя утвердим?

Не только! У нас — и врачи, и поэты,
ученые — люди крылатой мечты.
Но главные песни еще не пропеты!
Но главные кручи еще не взяты!

Раскрыть предстоит нам и ярче, и шире
большую и светлую душу свою,
шагая в сложнейшем сегодняшнем мире
с большими народами в общем строю.

Есть в каждом народе волшебная жилка:
родился ж когда-то в метельной пыли
по имени Тыко, по прозвищу Вылка
художник у ненцев, у края земли!

Был Гуркин — алтаец...
Пронесется годы,
и верю я, целя в грядущее взгляд:
не раз еще малые наши народы
сынами великими мир удивят!

Светла наша доля под небом Союза,
а если глобальные взвесим дела —
мы шару земному отнюдь не обуза:
без нас бы планета беднее была.

Когда она вся от разрывов дрожала,
и стлался удушливый дым по стране,
от общей беды, от большого пожара
и малый народ не стоял в стороне.

Сегодня, конечно же, время иное,
сегодня — и легче живем, и сытней.
Но только ли в сытости счастье земное —
и наше, и наших подросших детей?

Ты в малом народе, товарищ, родился,
живи же, людскому подвластный суду,
так, чтобы народ твой тобою гордился,
ведь в малом народе мы все на виду.

Легко и свободно шагай по планете,
но помни повсюду родимый свой край
и в буйном, порывистом ветре столетья
алтайскую шапку свою не теряй!

СЫН УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ

Со дня рождения
До смертного часа
Человек учится на человека:
Падает, как человек,
Встает, как человек,
И вновь шагает по земле — человеком.

Все его движения,
Все труды и дни —
Для того, чтобы стать человеком:
По-человечески улыбаться,
По-человечески плакать.

Чтобы стать человеком,
Большим, настоящим человеком,
Мой сын-несмышлениш
Учится говорить.

— Скажи, сынок, «папа».
— Скажи, сынок, «мама».
— Скажи: «Я не зверь».
— Скажи: «Я человек!»

Мой сын роется в песке,
Чтобы стать человеком.
А мой друг роется в бумагах
И копается в звездах,
Чтобы стать доктором наук.

У маленького сына
И у ученого друга
Очень похожая работа:
Сын учится распознавать

Запахи цветов и хлеба,
Друг учится слушать
Голоса далеких планет.

Со дня рожденья
И до смертного часа
Человек учится на человека —
У чужих людей
И у своего времени.

Потому-то так похожи
Труды моего смышленного друга
И труды моего несмысленыша сына:
Оба они без усталы
Что-то для себя
открывают и открывают.

МЫЧИТ БЕЛАЯ КОРОВА

Слышу мычанье — и год забытый
Шевелится в моем теле.
Ползут ко мне с зеленых джайлау
Тягучие песни старухи Янчи.
...Белая корова, да, белая корова
Тогда гремела над всем Алтаем.
У нее умер белый теленок.
Белое молоко струило вымя.
Несчастливая корова рыдала.
Старуха Янчи сделала чучело,
Положила перед коровой,
Стояла молча и смотрела.
Белая корова, не уставая,
Гремела над всем Алтаем.

Вдруг она понюхала чучело
И начала лизать и лелеять
Белое чучело, как живое.
Старуха Яичи подсела к корове
И запела.
Струя песни густой, тягучей
Ударила в землю.
(Может быть, старуха хотела
Смягчить горе коровы?
Может быть, она изливала
Свое горе —
Откуда понять мне, мальчишке?
Когда мычала белая корова,
Черное горе рычало над миром —
Такое тяжелое, что согнулись
Плечи земли под этим грузом.)
Люди говорили,
Что сыновья старухи
Далеко-далеко, в какой-то «Войне»,
Кровавом краю.
А где этот край,
Откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыданье,
Запевает старуха,
Только сядет к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
А красный, красный закат вечерний
Дрожит, качается от мычанья.
«Если сыновья мои будут живы, —
Запевает старуха, —
Будущей весной они вернутся,
Когда золотыми голосами
Кукушки запоют над весной».
...Много раз прилетали кукушки
И на ветвях качались.
Много раз уходило лето.

Но из кровавой страны «Война»
Не возвратились сыновья старухи...
Слышу мычанье — и год забытый
Шевелится в моем теле,
И давние песни старухи
Проплывают сквозь долгие годы,
Звонят печально и горько
И до меня доплывают.

* * *

Весной с зари
На весь зеленый склон
Ягненок блеет.

А летом видно,
Как над казаном
Пар молока белеет.

В осенний час
Курлычут журавли —
Тоскливей нет приметы.

Зима для нас —
Охотничьей лыжни
След, уходящий в лето.

ЗЕЛЕНАЯ КУКУШКА

По алтайскому преданию девочка, плача над могилой брата под зеленым деревом, превратилась в кукушку и так плачет над ним каждый день до сих пор

То ли сам я песню пою,
То ли голос кукушки дальней
Колыбель качает мою
Песней своей печальной.

Где-то там,
В краю снеговом,
Чудо-дерева
Нет чудесней.
Там кукушка
С зеленым крылом
Поет зеленые песни.

— О ты, мое дерево, — плачет, — нежное!
О могила, — выводит, — свежая!

Сплю под деревом тем вдали,
Не умею от сна очнуться
И с неведомой той земли
Не могу на Алтай вернуться.

Разом,
Словно по волшебству,
Просыпаюсь.
Поют кукушки
За рекой,
На лесной опушке.
За излучкой поют речною.

...Мысль о смерти и наяву
Долго кружится надо мною.

* * *

До свиданья, слава! Без тебя
Проживу спокойно в этом мире.
Только зрелый возраст полюбя,
Понял я, что дважды два — четыре.

Крыльями заманчиво шурша,
Слух и взор мне слава обжигала.
Сладкой мукой мучилась душа:
Все вокруг соперников искала.

Отрезвел сегодня утром я —
С облаков упал и не разбился.
Под ногами прочная земля,
Я в земное странствие пустился.

Слава, над моею головой
Больше ты крылом своим не хлопай.
Как ожог, в душе моей не ной.
Больше не пойду к тебе в холопы.

Я освободился — ты поверь.
Доброта идёт тебе на смену.
Белое от черного теперь
Стану отличать я непременно.

Жизнь (я понял) — это жизнь сама.
Все реально — горы и колодцы...

Чувствую, что близится зима,
Значит, валенки надеть придется,

Понял я, как человек силен,
Как ничтожна слава в этом мире.

...Вновь и вновь, однако, удивлен
Тем, что дважды два всего четыре.

* * *

Погляди на руки матери, сынок.
Вспомни, как она, сбиваясь с ног,
Мыла, шила, убирала и пекла,
Колыбель твою качала до света.

Ты в глаза ее, мой милый, загляни.
Сколько суток не смыкали век они,
Чтоб тебе заплакать не пришлось,
Чтобы сладко, как положено, спалось.

Кто пеленки гладил и менял?
Кто тебя улыбкой охранял?
Взрослым стал ты, но и нынче, милый друг,
Чист ты чистотою этих рук.

Поздно ночью возвращался ты не раз
На чудесное сиянье этих глаз.
Постоянно, рядом и вдали,
Лишь они покой твой берегли.

Час настанет, и его не миновать, —
В путь последний ты проводишь мать.
Но во имя памяти о ней
Становись все тверже и честней.

Мужеству и правде долг отдай —
Матери надежды оправдай.
По заветам истинной любви
Человеком век свой проживи.

Девушек люби ты и цветы,
Снег незамутненной чистоты,
Свой очаг и в очаге огонь...

Но навеки матери ладонь
И ее ушедших глаз тепло
В жизни —
Главное твое добро.

БЕЛАЯ ЗВЕЗДА

Лихо мчусь
На рыжей кобылице.
У нее во лбу
Звезда, как снег.
А в ночной дали
Свечой искрится
Голубой звезды
Желанный свет.

Кобылица мчит
Звезде навстречу,
Содрогая
Топотом копыт
Шар земной.
На лбу ее — предтечей —
Белая отметина горит.

Обернулась
Вся судьба дорогой:
День и ночь
Стремглав лечу вперед:
Ясный свет
Моей звезды далекой
С детских лет
Покоя не дает.

* * *

Медленно кружится
Старой пластинки круг,
Снова Сорпона Этенова
Голос слышу.
Снова Алтайские горы
Стоят вокруг.
Вновь голубые дороги
Ведут все выше.

Снова мне кажется,
Будто над всей землей
Кедры одни шелестят
Бесконечным звоном.
Снова мне кажется,
Будто бы надо мной
Хвоя их занята
Спором своим зеленым.

Мчится пластинка, как время,
За кругом круг,
Безостановочно,
Словно сама планета.
Вместо икили
Камус¹ появился вдруг.
Осень пришла к нам
По следу бывшего лета.

Сыты маралы и с горных трубят вершин.
А на вершинах
Прохлада лежит ночная.
С небом сливаясь,
Летит журавлиный клин,

¹ Икили, камус — национальные музыкальные инструменты.

О расстояниях
ничего не зная.

Острого инея
Брызги вдоль всех полей,
Красные ноги мои
Приминают травы.
Снова кочуют коровы
На зимний стан,
В тысячный раз
Покидают они Яйлау.

Медленно кружится
Старой пластинки диск.
Голос Сорпона Этенова
Слышу снова.
Снова дорогой отцов
Я спускаюсь вниз,
Словно таинственный вестник
Всего бывшего.

Медленно тает на пашнях
Прохладный снег.
Небо и земли дымятся
Живым дыханьем.
Пик Уч-Сумера
Белеет который век
И ослепляет глаза
Голубым сверканьем.

Снова кукушка поет,
Забыв о зиме.
Зеленю каждый пригорок
Опять покрыт.
Вновь в Согодеке и в Ак-Каме
Слышен табунный топот звонких копыт.

Боже!
 Чего в этой музыке только нет!
 Счастье, и плач,
 И беды бестолковой бег.
 И сквозь меня пролетает
 Вереница лет.
 Счастье и горе,
 Сплетаясь, звенят во мне.

Медленно кружится
 Старой пластинки круг.
 И воскресает старый
 Сорпон Этенов.
 И на мгновенье
 Я забываю вдруг
 Все, что люблю:
 И Бетховена, и Шопена.

* * *

Все в мире в движении,
 Вот по траве молодой,
 Приветствуя криком призывным
 Зеленое лоно,
 Бежит белоснежный ягненок
 Под белой звездой,
 Которая тихо скользит
 По небесному склону.

О господи, люди,
 Какая вокруг красота!
 Бежит белоснежный ягненок
 Под белой звездой.
 Бежит одинокий ягненок.
 Откуда? Куда?

Он ищет отару?
А может быть,
Счастье степное?

Взгляните на небо.
Какой удивительный вид
Откроется взору
В окошке ночного всевластья!
В степи Кош-Агача
По темному небу скользит
Большая звезда,
Предвещающая удачу и счастье.

Мне кажется, в небе
Земные звенят голоса.
Быть может, ягненок
На небе в звезду превратился?
А может, звезда
Подарила ему небеса,
Спустилась на землю —
И наш Кош-Агач осветился.

ТРИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБВИ

1

При взгляде на вечернюю звезду
Тебя, родная, вспомнил я тревожно.
Неяркий свет ее сквозь высоту
И на твое лицо упал, возможно.

Мой взгляд во мгле больничного окна
Вновь со звездой встретился одною...
Ее спокойствие и белизна
Напоминает имя мне родное.

Как хорошо, что в этом мире есть
Та женщина. Но как, пока не поздно,
Мне сообщить ей горестную весть,
Что заболел я?

Передайте, звезды!

2

А над больницей — белый самолет.
И он тебя напомнил мне, родная.
Я совершаю мысленно полет
В твой снежный край, и я дорогу знаю.

Лечу. Меня качают ветерки
И небо подпирает облаками,
Мне люди вслед глядят из-под руки
И машут мне приветливо платками.

Внизу зеленых летних гор хребты,
Лишь Уч-Сумер белесет снегом странно...
Джайлау... Вижу юрты с высоты,
Гурты овец, верблюжьи караваны...

И слышу голос явственно я твой:
— Попей кумыса. Славно, что приехал.
Как ты спустился с высоты такой? —
В глазах смущенье пополам со смехом.

Но улетает белый самолет.
В твой снежный край меня нести не хочет.
На той же койке ночи напролет
Все та же боль меня гнетет и точит.

Когда запели утренние птицы,
Опять твою я вспомнил доброту.
Роса на влажных травах серебрится...
Я возвращаюсь в давнюю мечту.

В такое точно утро, на рассвете
Однажды птицы разбудили нас.
Мир зеленел в прозрачном белом лете.
Росли быстрее деревья в этот час.

Не омраченный тучкой ни одною,
Над нами купол неба голубой.
Сквозь сердце счастье плещется волною.
Мы молоды, бессмертны мы с тобой.

Разлука? Мы с тобой такого слова
Не слыхивали средь весенних дней.
Болезнь? Но среди счастья золотого
Еще и знать не знали мы о ней.

...И вот болею. Из страны далекой
Когда же в город мой приедешь ты?
Лишь поутру звездой в ночи высокой
Мелькнул твой взгляд из недр моей мечты.

Ты так добра! Любовь твоя прекрасна.
Но мы с тобой на разных берегах,
Где молодость былая ежечасно
Льет слезы. Брода не найти никак.

МОРСКИЕ КАМНИ

В морских камнях очарованье,
Когда их окропит вода,
За кружевной прибойной тканью
Зажгутся яркие цвета.

Застыли камни в серой груди
На пляже галечном сухом,
Но приближенье волн разбудит
Их разговор, шуршанье, гром.

Вдруг красный камень зарокочет,
Как пал, сжигающий тайгу.
Зеленый камень забормочет,
Как травы ночью на лугу.

А голубой прошепчет тихо:
«Жить без любви мне нелегко...»
А желтый взглядом оленихи
Заглянет в душу глубоко.

А белый камень равнодушно
Молчит...
За этой белизной
Та жизнь, где слов не нужно, —
Покой.

* * *

Мир весенний — как младенец!
Он собою не владеет:
То он лучиком играет,
То под дождик попадает.

Человек — дитя природы.
И в такое время года
Сердце плачет и смеется:
То замрет, а то забудется.

* * *

А река бежит куда-то в море.
Мчит все так же беспечально вдаль.
Умер друг мой. Дрогнул мир от горя.
Но реке неведома печаль.

Ей, живой, сверкающей и быстрой,
Не узнать, что умер человек...
Вечны горы. Звезды серебристы.
Все живёт, как жило долгий век.

Властвуют рассветы над ночами.
Тихо распускаются цветы...
Пусть... Ведь если все отдать печали,
Сгинет день во власти темноты.

* * *

Мне кто-то,
Помнится, сказал:
— Страшнее ничего не знаю,
Чем человеческих глаз накал,
Когда в упор
И не мигая
Они глядят.
Подобный взгляд
Не выдержит
И волчья стая.

Мне кто-то,
Помнится, сказал:
— Нет в мире
Ничего добрее,
Правдивей, чище и нежнее,
Чем человеческих глаз накал.
Рассвирепевшая тигрица
Под этим взглядом усмирится.

ТЕНЬ РЕРИХА

Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии...

Н. Рерих.
Из письма к В. Булгакову

Тень Рериха витает надо мной,
Он — горный дух,
Он — дух высоких странствий...
Белуха отликает синевою,
А на заре — кармином и багрянцем.
Так вы писали, так на полотне
Живут вершины —
Вехи вашей жизни...

Ваш голос в ледниковой тишине:
— Я здесь душою, на земле Отчизны.
Мой караван по-прежнему в пути.
Высокогорье — живописи чудо.
Зачем ты здесь?
Откуда, путник, ты?
— Я горец, я алтаец, я отсюда.
Я ученик ваш из других времен,
Из племени, воспрявшего недавно.
Но внятен мне ваш кочевой закон,

Влечение ввысь художника — понятно.
Но как несли подвижнический крест,
Откуда воля красок, трепет линий,
Чтоб гималайский белоснежный блеск
Предстал глазам людей надеждой синей?
Чтоб отогрел внезапный колорит
Скалу немую на холодном склоне?
Поведайте, учитель, как горит
За гребнем гор упрятанное солнце...

— Не спрашивай. Ты все поймешь, когда
Тебя удачей одарит
Судьбина —
И родина, природа, высота
В душе твоей сольются воедино.

* * *

Наш мир, прозрачный, как ручей,
И пестрый, как цветы,
Не пожалеет для людей
Добра и красоты.

Он безвозмездно нам отдаст
Пьянящий воздух гор,
И белоснежный хрупкий наст,
И солнечный простор,

И звон весеннего дождя,
И мерный шум реки —
Возьми цветущие поля —
Возьми и береги!

Но хлеб, любовь, и честный труд,
И счастья светлый храм
Нам даром не преподнесут —
О них подумай сам.

* * *

Мир природы бескорыстен,
Безвозмездно дарит он
Тень и шелест сочных листьев,
Капель плодородных звон.

Мир природы неизменен
В широте и доброте,
Чист, невинен, откровенен,
Как родник в земном пласте.

Он взаимною любовью
Связан с разумом людей:
Хлеб и соль, вино к застолью —
Все бери, и ешь, и пей.

Но, природы гость, хмелея,
Дом хозяйский не сжигай!
Даже в щедрости есть мера
И терпению есть край.

Нерасчетлив и нескрытен,
Виден вглубь, безбрежен вверх,
Мир природы беззащитен —
Помни это, человек!

* * *

Море, спасибо за воспоминания,
Ты, как никто, их умеешь разжечь:
Сопки осенние...
Конское ржание...
Черного кедра невнятная речь...

И красно-желтою лиственной тучей
Горное лето летит над водой
И пропадает за дальней излучиной.

Море, спасибо тебе за созвучие
С чистой предзимней печалью родной.

* * *

Сначала, море, ты сверкнуло
Вдали, как сказочный огонь,
Потом навстречу протянуло
Свою огромную ладонь.

Лежат просторы, голубя,
Под небом, тоже голубым...
Ты видишь, выбрался к тебе я
Уже не слишком молодым.

Уже мое, еще чужое,
Не разморенное в тепле,
Ты, море, — самое большое,
Что под небом на земле.

Наверно, ты и можешь много —
Живое, с кружевной каймой,
Так помоги мне, ради бога,
Мою усталость, море, смой!

Лицо неюного мужчины
Соленой влагой окати,
Со лба волнистые морщины
В живые волны преврати.

Умчи в неведомые дали —
Пусть буду снова молод я,
Таков, каким меня видали
В далекой юности друзья.

Пусть сердце вновь костром задорным
Горит, бросая свет во тьму,
Пуškai придут по тропам горным,
Как встарь, охотники к нему!

Ты слышишь? Помоги, как можешь,
Рубеж старения отсрочь,
Ведь если ты мне не поможешь —
Кто сможет, море, мне помочь?

САНИ

Трещит мороз, скрипят снега,
Звонящим ветром ночь замело.
Люди починают стога.
Саням от снега — ох! — тяжело.

В теплой кошаре спит овца.
Ей снится сон про корма.
Поэтому сани идут без конца,
Как ни скрипит зима.

Подковы звенят, стучат, гремят
По льду. Снега все белей.

Сена сладостный аромат
Вдыхают поздри полей.

Вот в такой морозный день
На снежной целине
Далеко слышны голоса
В безлюдной тишине.

Кто-то на передних санях
Песню затянул.
Звон высоких синих небес
К этой песне примкнул.

Сверкающий след вдоль зимы лежит.
Луна по санному следу бежит.
Санный поезд снега ворошит.
Шурша, подъем берет,
И вместе с ним моя душа спешит вперед.

* * *

Б. А. Слуцкому

Часто в снах моих вижу картину все ту же:
дивным алтайским альпийским лугам на ладони
с неба спускаются тихо и плавно, как души,
солнцеподобные, луноподобные кони.

Белые кони спускаются с неба кругами,
воздух вдыхают прохладный и девственно-чистый,
трогают землю — как будто целуют — губами,
мирно катаются в мягкой траве шелковистой.

Как хорошо мне! Господствуют в мире зеленом
чувство простора и светлое чувство покоя.

Слышу: кукует кукушка в лесу отдаленном.

Чутко ступая, косяся идет к водопою.

Мирные, нежные, душу влекущие звуки!

Будто вовеки на свете не ссорились, не воевали,
будто уж тысячу лет на земле пет ни горя, ни муки,
будто глаза мои жгучести слез никогда не знавали...

Смутно лишь слышится, ржут где-то кони — как
стонут!

Гибнет на мне корабль, водяные воронки струятся,
в море бескрайнем беспомощно лошади тонут,
тщетно к зеленому берегу кони стремятся.

Только не верится этой мучительной боли!

Бред мой, кошмар мой — видения странные эти!

Может ли быть, чтобы люди коней потопили?

Это, наверное, было не здесь, не на нашей планете!

— Здравствуйте! — я говорю,

невесомые гривы лаская,—

Здесь я хозяин. Резвитесь, паситесь на лоне
вольных лугов лошадиного рая — Алтая,
солнцеподобные,

луноподобные

белые кони...

Юрию Казакову

* * *

Вечером не умирайте,

Люди, прошу я вас:

Детям будет страшно.

Будут плакать всю ночь.

Зимою не умирайте,

Люди, прошу я вас:

Мерзлую, твердую землю
Тяжко долбить, невмочь.

Утром не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Как же так, вы уйдете,
А солнце взойдет без вас.
Утро — начало дела.
Утро — начало пути.
Как, не закончив работы,
Сможете вы уйти!

Не умирайте, люди, утром, пожалуйста!
И вообще
Никогда,
Никогда не умирайте, люди!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ РЕБЕНКУ

Пусть покуда телом ты слаб и мал —
 Вырастай скорее, сынок!
Будь быстрее зайца, будь крепче скал —
 Вырастай скорее, сынок!

Между лучшими звероловами
Звероловом ты лучшим будь!
Между лучшими острословами
Острословом ты лучшим будь!

Пусть мужчиной ты станешь — богатырем,
 Пусть крылатым твой будет конь,
Пусть в аиле твоём, в очаге твоём
 Никогда не гаснет огонь!

Пусть притихнут бурные реки у ног,
Пусть вершины будут тебе по грудь —
О, да будет так, вырастай, сынок,
О, да будет так, Человеком будь!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ОГНЮ

В чаше сияющий,
Мрак разгоняющий,
Голодного насыщающий,
Силы усталому возвращающий,
Ярче, огонь, гори —
Маленькое, ручное,
Солнце мое земное!
Мерзлое размягчающий,
Сырое в съедобное превращающий,
Сердце мое согревающий,
Лицо мое озаряющий,
Ярче, огонь, гори —
Маленькое, ручное,
Солнце мое земное!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ТЕЛЕНКУ

Гуляя в стаде, вперед не рвись —
Угодишь в засаду, к Медведю в пасть,
Гуляя в стаде, отстать берегись,
Чтобы Волку в зубы вдруг не попасть!

Пестрый Теленок, расти скорей,
Будь всегда весел, всегда здоров,
Чтобы вышло из породы твоей
Много-много красивых, пестрых коров!

Красный Теленок, расти скорей,
Будь всегда весел, всегда здоров,
Чтобы вышло из породы твоей
Много-много красивых, красных коров!

Красный и Пестрый, взглянуть вас не хочу,
И о том, сколь красивы вы, — умолчу.
Да будет много скота у моих дверей!
Да будет много детей возле юрты моей!

ЗАКЛИНАНИЕ МЕДВЕЖЬЕЙ ГОЛОВЫ

Я, охотник Аднай, сын Туймеша,
В заповедных горах вырастая,
Никогда, клянусь, не стремился
Истребить всех зверей Алтая.
И медведя с целью убийства
Не преследовал никогда я!

Повелитель всех зверей Алтая,
Дедушка Медведь!
Разве чем прогневал вас когда я,
Дедушка Медведь?

Разве мало в пищу вкусных зверей
Вам давали леса Алтая?
Разве мало орехов роняли с ветвей
Перед вами кедры Алтая?

Для чего же съели вы у меня
Моего охотничьего коня?
Для чего, от жилья моего вдали,
Путь мой первым и пересекли?

Почему вы так ожесточились:
Может, испытать меня хотели,

Думали: не женское ли сердце
Прячется в мужском могучем теле?

Думали: а вправду ли метка
У меня, охотника, рука?
Повелитель всех зверей Алтая,
Мудрый, уважаемый Медведь!
Повелитель всех зверей Алтая,
Грозный, почитаемый Медведь!
Вашу голову большую
На живой огонь кладу я —
Пусть насытится Батюшка-Огонь!

Вашу голову большую,
Вашу голову святую
Я не перешагивал отнюдь!

Значит, дух ваш возродится,
Пусть он в горы возвратится
Рассказать зверью и птице,
Что Аднай, охотник, сын Туймеша,
Наставленья предков не забыл!

Пусть убийство мудрого Медведя
Не зачтется мне виной:
Не виновен я перед медведем,
Он был виноват передо мной!

Чёк, чёк, Батюшка-Огонь!
Чёк, чёк, Батюшка-Огонь!

МОЛИТВА У КЕДРА

В белый шелк небесный одетый зимой,
В синий шелк небесный одетый летом,
Вечный кедр Алтая, зеленый мой,
Дай привал устроить на месте этом!

Величавый, стройный, стой, процветай,
Пой под ветром, как живая струна.
Родина у нас одна — Алтай,
И судьба с тобой у нас — одна.

Средь сплетенных с небом ветвей твоих
Добрые птицы пусть ночлег находят.
У сплетенных с землею корней твоих
Добрые люди пусть почлег находят.

Наши начала — из общих недр,
Родина у нас одна — Алтай.
Пожелай мне счастья, брат мой старший, Кедр,
Честному охотнику удачи дай!

МОЛИТВА, ОБРАЩЕННАЯ К ТОПШУРУ

Из лучшего дерева, из алтайского кедра
Тело твое сделано, мой звонкий топшур,
Из волос аргاماка, который быстрее ветра,
Две струны твои сделаны, мой звонкий топшур.

Зазвечи, запой, повинуюсь моей ладони,
Зазвучи, повинуюсь искусным пальцам моим!
Как по дорогам Алтая крылатые кони,
Пусть помчатся песни по длинным струнам твоим!

Пусть меня посетит в эту ночь вдохновение,
Пусть меня соплеменники слушают до зари,
Пусть воскреснут в песнях минувшие поколения,
Башковитые, смелые богатыри!

Пусть на правое плечо мое сядет, слушая, Солнце,
А на левое плечо мое, слушая, сядет Луна,
Пусть былая мудрость с нынешним знаньем сомкнется,
Пусть перекликнутся дальние времена...

О топшур мой, я твой
Повелитель и раб.
Как могуч я с тобой!
Без тебя — как я слаб!

У огня, на подстилке из мягких шкур,
Пой, мой топшур, звени, мой топшур!
Пусть песня прольется — как степь, широка,
Пусть правда сверкает острее клинка!

ПРОКЛЯТЬЕ ВРАГУ

Если пришел ты с пылающей головней —
Первым пускай пламя тебя сожрет!
Если пришел, жадюга, ко мне с войной —
Первой пускай юрта твоя падет!
Пусть мне поможет Ульген, добр и велик,
Правду мою отстоять, выиграть честный бой,
Пусть из глубин земных выйдет злобный Эрлик
И в вековечный мрак тебя унесет с собой.

Пусть я увижу в бою
Жалкую спину твою,
Конь твой, споткнувшись, пускай
Шею ломает свою!

Черный Ворон — Кускун —
Клюет глаза твои пусть!

Черная пасть земли
Тело поглотит пусть!

Черная тяжесть земли
Ребра сломает пусть.
Чок, чок, чок база!
Пусть! Пусть! Пусть!

РАДОСТИ АЛТАЙЦА

1

Люди, люди, радость большая:
Путь начав на земле Алтая,
Приглядеться к людям и странам,
Быть повсюду гостем желанным,
Не назойливым, любознательным,
За внимание к себе — признательным.
А услышав сердцем, как Время
Перелистывает страницу, —
Не спеша проститься со всеми,
Всем с достоинством поклониться,
Поклониться и улыбнуться,
О чужой порог не запнуться,
В отчий край, на Алтай вернуться —
Люди, люди, радость какая!

2

Радость—каждый день глядеть на солнце,
Видеть материнские морщины...

Чувствовать себя чуть-чуть ребенком —
Это тоже радость для женщины!
Радость — чай, заправленный талканом,
Одаряющий теплом и силой,
Пить из пиалы широкой, белой,
Со щербинкой памятной и милой.

Этот чай готовила родная,
Сдабривала травами Алтая,
Пить его, ладони согревая, —
Радость, люди.
Радость — и какая!

3

Радость — встретить старого друга,
В дорогие черты взглядеться
И увидеть друга не старым,
А таким, как в юности, в детстве!
Тут уж песни сами споются,
Слезы на глаза навернутся,
Грусть и радость в одно сольются,
Высшей радостью обернутся!

4

Не сердись на меня, подруга,
Я и эту радость не скрою:
Радость — встретить любовь былую,
Поглядеть в лицо дорогое,
Снова сердцем к ней потянуться,
Горькой радостью задохнуться...
Что мне делать, прости, подруга,
Мне вину отпусти, подруга,
Эта радость — во мне, со мною.
Я, мужчина, ее не скрою!

5

Радость, о радость, мои друзья:
 Сын мой лицом — как в юности я!
 Радость, о радость, мои друзья:
 Метко стреляет мой сын, как я!
 Радость, о радость, мои друзья:
 Сын мой стреляет лучше, чем я!
 Пусть в побежденных сегодня я —
 Слаще победы радость моя!

6

Хорошо, если сытно мой скот зимовал
 И на пастбище весело откочевал!
 Но вдвойне веселее гляжу я на свет,
 Если так же удачлив и добрый сосед.
 Радость к радости — радостней сердцу вдвойне!
 За двоих и поется, и дышится мне!

7

Радость — если вешний гром ударит!
 Радость — час, когда отец подарит
 Верное, бывалое ружье
 И седло надежное свое!

Радость — свадьба дочки, свадьба сына!
 Дважды радость, ежели притом
 Не вдали — в тени родной долины
 Рядом с отчим встал сыновний дом!

Радость — и неспешная беседа,
 И добросердечие соседа,
 И семья, в которой тишина
 Глупой ссорой не осквернена!

Радость — конь, и звезды, и дорога,
И улыбка, и благая весть...
Радостей, как звезд, на свете много,
Хорошо, что их не перечесть!

8

Радость — время, в какое пришлось мне родиться!
Радость — это возможность взлететь, словно птица,
С невеликого горного аэродрома —
И у Черного моря в тот же день очутиться
И бродить возле моря, как дома!

Или в поезде, длинном, как зеленое лето,
Плавно, медленно мчаться по просторам планеты,
Или плыть на красивом большом корабле
От знакомой земли — к незнакомой земле,
Плыть — земные края для себя открывая,
Плыть, алтайскую песню свою напевая,
А в конце всех дорог

при алтайской луне

Вновь скакать

по знакомым горам

на коне!

ЧТО ПОЗОРИТ АЛТАЙЦА

1

Страшный позор! Горький позор!
Солнце, померкни! Затмись мой взор!
Как же могло получиться так,
Что попрошайкой ты стал, земляк?
Или не кормит тебя твое
Метко стреляющее ружье?

Или тебя уж не носит конь?
Что ж ты протягиваешь ладонь,
Клянчишь, здоровый, грош на вино?
Сердце стыдом за тебя полно!

2

В зеркало, юноша, посмотри,
Раз посмотри ты, и два, и три,
Дважды и трижды стекло протри —
И на себя вновь посмотри!

В мире подлунном скитаясь, ты
Разве забыл, что алтаец ты?
Предков-алтайцев своих черты
Разве в себе уж не видишь ты?

Кровь кочевую, жаркую их
Разве не слышишь в жилах своих?
Как же случилось, ответь мне, брат,
Сын Чаги из рода алмат,
Что ты, живущий в горах родных,
Воду пьющий из рек родных,
Стал отрекаться при всех родных
От языка предков своих?

3

Юноша, эй, как же ты смог,
Только что выйдя в мир, за порог,
И ничего не выдав пока,
Вдруг перебить речь старика,
Мудрого старца, из тех, кому
Знать приходилось и свет, и тьму,
Вместе с народом своим пройти
Трудные, радостные пути?

Как же его ты оспорить смог?
Стыдно мне за тебя, сынок!

4

Алтаец, брат, когда вознесся ты
До некой житейской высоты
И возомнил: «Я выше, чем орел!» —
Но мудрости при этом не обрел,
Себя непогрешимым сознаешь,
Товарищей своих не узнаешь,
Почет и преклонение любя,
Алтаец, брат, мне стыдно за тебя!

5

Коль перед гостем ты закроешь дверь,
Земляк, мне стыдно за тебя, поверь,
Вдвойне стыжусь, когда при свете дня
По голове ударишь ты коня!

6

Хвалился, брат, какой охотник ты —
А сумки снова у тебя пусты,
Винишь коня, погоду и ружье...
Ой, стыдно мне глядеть в лицо твое!

7

Эй, послушай, парень, что с тобой?
Как распорядился ты судьбой?
Чем прославить свой народ успел?
Что узнал?
Какую песню спел?

Может быть, великих ученик,
Глубже в тайны атома проник?

Может быть, в кургане, под плитой,
Клад нашел старинный, золотой

И на прошлое Алтая
Пролил новый свет?
Знаю, парень, истина простая —
Ничего, увы, такого нет!
Знаешь только, что такое водка,
И с угра, не в силах встать с земли,
Словно выброшенная подметка,
Ты валяешься в пыли!

Вызывая злость людскую,
Забывая честь мужскую,
Быть раздавленным рискуя,
Ты валяешься в пыли!
Шел я, шел, вдыхая горный воздух,
Размышлял о будущем, о звездах,
Но лежишь ты
Поперек пути,
И тебя
Не просто
Обойти!

МОНОЛОГ ТАБУНЩИКА ЯШНАЯ, ОБРАЩЕННЫЙ К ЛЮБИМОМУ КОНЮ АК-БОРО

Ты меня послушай, Ак-Боро,
Белая жемчужина моя!
Ты меня послушай, Ак-Боро:
Весел я сегодня, счастлив я,

Видишь, твой хозяин как в огне,
Но хмелен я радостью одной,
Не подумай плохо обо мне!

Я сегодня орден получил —
Золото в нем есть и серебро.
Слышишь, мне народ его вручил,
Так-то, белогривый Ак-Борол

С этой доброй вестью я летел
К милым детям, к ласковой жене,
Поделиться радостью хотел —
Не подумай плохо обо мне.

Вот зачем тебя я торопил
Через перевал издалека.
Ты прости, что черный пот покрыл
Благородные твои бока!

Ты прости, что дышишь тяжело, —
Нынче отдых я тебе даю,
И на сердце у меня светло.
Дай поглажу голову твою!

Солнцем нашей Родины согрет,
Труд мой древний, дедовский любя,
Много я возрастил за тридцать лет
Жеребят, похожих на тебя.

Всех берег под солнцем золотым,
Но тебя особенно любил:
Словом необдуманным, пустым
Даже сгоряча не оскорбил.

Никогда не сравнивал тебя
Ни с коровой и ни со свиньей,
И в правах уравнивал тебя
С близкими, со всей моей семьей.

А подчас — и выше ты бывал:
Ни детей, ни женушку свою

Я в таких словах не воспевал,
Как тебя воспел и воспою.

Но и ты мне здорово помог!
Без тебя, ты слышишь, Ак-Боро,
Я бы, может, вырастить не смог
Семерых детишек, Ак-Боро.

Как тебе хвалу не вознести!
Для меня, мой верный, сделал ты
Близкими — далекие пути,
Низкими — высокие хребты.

Никогда тобой не нахвалюсь,
И за все свершенное добро
Дай тебе я в ноги поклонюсь,
Умный, мой прекрасный Ак-Боро.

И прости, что я веревкой вновь
Спутаю передние твои:
Так велит не злоба, а любовь,
Ты обиды, брат, не затаи.

Погуляй, стреножен, при луне:
Ты не только нынче нужен мне,
Ты и завтра нужен будешь мне,
Послезавтра нужен будешь мне.

Будь иначе — слышишь, Ак-Боро,
Белая жемчужина, звезда! —
Я б тебя не спутывал хитро,
Отпустил на волю навсегда!

А сейчас...

Пасись невдалеке,
Спину подставляя синеве,

Освежись в серебряной реке,
Покатайся в шелковой траве.

Радуй тело гладкое свое,
Помечтай, впадая в забытие.
Ты — и дело главное мое,
Ты — и слово лучшее мое.

Ак-Боро, цветущий зелен склон,
Свищут птички в синей вышине.
Я сегодня жизнью опьянен,
Не подумай плохо обо мне!

МОНОЛОГ ТАБУНЩИКА ЯШНАЯ ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЗАРЕЗАТЬ ОВЦУ

Ничего не поделать, овечка моя,
Так сказать я тебе хочу:
Сам тебя для жизни выходил я,
Сам я с ней тебя разлучу.
Ох, не я ли тебя на руках таскал,
Когда ты ягненком была,
Ох, не я ли грубой рукой ласкал
Шерсть, которая столь бела?

Такова, овечка, доля твоя,
Ничего не сделаешь тут.
Такова, овечка, доля моя,
Ничего не сделаешь тут.
Кто придумал такое давным-давно?
Это, в общем-то, все равно,
Людям скот выхаливать суждено
И питаться им суждено.

Не от злобы я жизни тебя лишу —
Чтоб насытить моих детей.

Не из мести я жизни тебя лишу —
Чтоб насытить моих гостей.
Ты живая, овечка, и я живой,
Не разбойник я и не вор.
Был бы сыт, как ты, я одной травой —
Так о чем бы и разговор!
Прокормить я обязан семью и род,
Мой земной, человеческий род.
Если сгинет мой, человеческий, род —
С ним и твой, овечий, умрет,
Кто вас будет тогда от волков беречь
И на сочных травах пасти?
Вот, овечка, моя — в оправдание — речь,
И теперь ты меня прости.
Смертно все, овечка, на этой земле,
Смертны птицы, травы, цветы.
Смертно все, овечка, на этой земле,
Конь крылатый, не то, что ты.
Смертно все, овечка, на этой земле —
Сам я смертен так же, как ты.
Мы живые с тобой, наших жизней дрожь
По одной проходит струне,
И когда-нибудь некий незримый нож
Эту жизнь оборвет и мне.
И одна и та же на нас печать,
И едины Жизни пути,
И пока ты жива и можешь прощать —
Ты, овечка, меня прости!

ВЕРБЛЮДИЦА, У КОТОРОЙ УМЕР ДЕТЕНЫШ

Верблюдица, у которой погиб верблюжонок малый,
Рассказывают, три года не в силах забыть беду:
К закату на место смерти в любой мороз небывалый
Приходит — и там ночует всю зиму на холоду.

До самой земли поникнув шеей своей лебединой,
Она страдает, как человек, и горше, чем человек.
Носи ей лучшее сено — не съест за ночь ни единой
Травинки, и только слезы катятся из-под век.

Встает и ходит вокруг бугорка
Низенького, того,
Где умер ее детеныш —
Маленький б о т о г о.

Повсюду снега белеют —
А это место одно
До весны остается
Вытоптанно, черно.

Взойдут весенние травы,
А это место одно
До зимы остается
Вытоптанно, черно.

За что ей муки такие?
За что ей такая боль
Под грубой, вытертой шкурой,
Местами белой, как соль?

Уж эта мне толстокожесть!
Живительны, горячи,
Три года ее не в силах
Пробить и солнца лучи.

Ты пас верблюдицу тридцать лет —
Не подходи все равно:
Убьет, затопчет, плюнет в лицо —
Это известно давно.

Но знают умные пастухи,
Что ей не надо мешать,

Да и какими словами
Верблюдицу утешать?

Нет слов таких во Вселенной.
Такого нет языка.
Три года — не три недели
Длится ее тоска.

Она обходит свой бугорок
Тысячу тысяч раз.
На черную, черную землю
Падают слезы из глаз.



**СТИХИ
с кулак**

* * *

Я приступаю к каждому стиху,
Как к первому:
С любовью и боязною.
И, как последнее, его я берегу:
Как вздох прощальный
Или слово перед казною.

* * *

— Звездное небо! — взывал кайчи.—
Звездным словам меня научи!
— Но для чего же тебе они?
— Людям отдать, — отвечал кайчи.

* * *

Пусть в изголовье камень твердый, гладкий,
Коль он с Катуня — спится хорошо!
В крови своей Катуня ропот сладкий
Услышишь ты —
и сердцу хорошо...

* * *

В крови своей услышишь гул Катуня—
И в отчий край тебя он позовет.
Лежит в кармане камешек с Катуня —
Он по-алтайски в грустный день споет!

* * *

Дайте мне, эй, аргамака-коня,
Горы Алтайские дайте мне!
Если это есть у меня —
Все остальное придет ко мне...

* * *

Здесь, где купол родимого неба высок,
В трудный час был нам сладок и черствый кусок.
Там, где воздух чужой и чужие цветы,
Самым жирным куском не насытишься ты!

* * *

Алтайским вереском набью
Дорожную суму,
В дорогу дальнюю свою
С собой ее возьму —
И буду тем в пути богат:
Родного края аромат
Я в путь с собой возьму...

* * *

Сто костров в темноте горят...
Огонь — их общий отец.
В юрте сто мудрецов говорят...
Их родитель — народ-мудрец.

* * *

(Из прошлого)

Бедняка от Богача
Добрый конь не отличит:
Ты — бедняк, но ты — джигит,
Он стрелой тебя помчит!
Богача от Бедняка
Верный пес не отличит:
Ты — богач, но ты — чужой,
Он сердито зарычит!

* * *

(Из прошлого)

Слыша песню Весны, речек звонкую речь,
Как живая, сама шуба спрыгнула с плеч.
Вой заслыша Зимы в хмурый, пасмурный день,
Сам собой затянулся потуже ремень!

* * *

(Из прошлого)

Говорили прежде: сынок,
В байском доме высок порог,
Береги не ноги, сынок, —
Лоб, входя, не разбей, сынок!

* * *

(Из прошлого)

Где жилище Голода, ответьте?
В юрте бедняка!
В той стране, которой нет на свете, —
Счастье бедняка!

* * *

Ходили в небе коршуны кругами,
И каменная баба на кургане
Спросила вдруг на языке моем:
— Кто ты?
— Алтаец... —
И заплакал камень
Слезами счастья:
— Значит, бой с веками
Ты выиграл? Так, значит, мы — живем?

* * *

Струны те, что искусному служат кайчи,
Могут сами играть и звенеть, говорят.
Те слова, что пропеты искусным кайчи,
Могут сами пожар потушить, говорят.

* * *

Посреди суровых гор Алтая
Маленькая плавает луна.
Или то чабанка молодая
С маленьким фонариком, одна,
Бродит по горам, тропу теряет,
В сумерках отару собирает?..

* * *

Аил отцовский. Вижу, глаз прищуря,
Луну сквозь щелку в кровле из коры.
У очага лежу на бычьей шкуре —
И дух мой рвется в звездные миры!

* * *

Млечный Путь среди ночного мрака
Тянется, как дымная река.
Так за мной, по следу аргамака,
Пыль встает, прозрачна и легка...

* * *

Я один. То ли слышится лепет воды,
То ли в сердце тоска что-то шепчет невнятно,
Эх, была бы дорога до ближней звезды —
На коне проскакал бы туда и обратно!

* * *

Сколько бы ни сделал ты добра,
Эхо похвалу доносит глухо.
Только раз ошибся ты вчера —
Гром хулы тебе ударит в ухо.

* * *

Эй, люди, послушайте!
Среди вас
Я самые лучшие прожил дни.
Эй, люди, послушайте!
Среди вас
Я лучшие годы похоронил.

* * *

Небо — словно сжатые поля.
Звезды — как просыпанные зерна.
Поздний час. Осенняя земля.
Одиноко. Ветрено. Просторно.

* * *

Где пожар гудел в лесах Алтая —
Все опять сегодня зацвело.
Не боится зелень молодая
Черных мест, где пламя проползло!

* * *

В майском небе нынче вновь
первый свежий гром,
Словно первая любовь
в сердце молодом.

* * *

Только б не гас твой очаг земной,
Только бы дети сидели вокруг!..
Солнце приходит вслед за Луной,
Свет прибегает следом за Тьмой —
Все образуется, друг!

* * *

Конский череп лежит
В белом поле в сияньи заката.
Конский череп твердит:
— Был и я иноходцем когда-то!

* * *

Белый череп в поле диком
О минувших днях молчит.
Из глазниц зеленым криком —
Погляди — трава кричит!

* * *

Что черней, чем ночи самые густые?
Лишь одно: глазницы черепа пустые.

* * *

Руками землю — не обнять,
На плечи землю — не поднять.

* * *

Не думай над старым кресалом,
что новое нужно искать:
По-прежнему яркие искры
способно оно высекать!

* * *

Камню река говорит: «Побежим!»
Камень в ответ говорит: «Полежим...»

* * *

Сын мой, цветы расцвели
От любви к солнцу,
Зачахли, склонясь до земли,
От любви к солнцу.

* * *

Как осенний журавль улетает, крича,
Умер друг мой, поэт, догорела свеча.
Как лесного пиона цветок по весне,
Новый друг со стихами приходит ко мне.

* * *

Присуще Небу — высоким быть.
Присуще Горам — высокими быть.
А что присуще тебе, Человек?
Тебе присуще Высоким — жить!

* * *

Твори добро, не требуя награды,
Не тем прекрасны добрые дела:
Всю жизнь свою иголка шьет—и рада,
Хотя сама останется гола.

* * *

Пред Увечным и Калечным
Стыдно радостью хвалиться.
Знай: с Увечным и Калечным
Нужно радостью — делиться!

* * *

Накрепко, сын, усвой,
Что на земле порой
Слышит глазами глухой,
Видит сердцем слепой.

* * *

«Как-то там корни в безмолвных глубинах?» —
Листья страдают в ночной вышине.
«Что там за шорох пронесся в вершинах?» —
Корни страдают в земной глубине...

* * *

Если счастье захочет прийти —
Для него не закроешь пути:
Если дверь на засове найдет —
С лунным светом втечет в дымоход.

Если счастье захочет уйти —
Ты ему не закроешь пути:
Если дверь на засове найдет —
Вместе с дымом уйдет в дымоход.

* * *

Говорят, не знал ты в жизни слез!
Только в том ли счастье—вот вопрос.
Сам в себя тихонько погляди:
Может, камень у тебя в груди?

* * *

Не сетуй, сынок, что дорога длинна —
На то и дорогой зовется она.
Дорога, сынок, не отцовский аркан,
Ее не свернешь, не уложишь в карман!

* * *

Глянув на седло да на подпруги,
Все алтайцы знают друг о друге:
Мáстера искусна ли рука —
Сообщит седельная лука,
А какой ты, брат, хозяин — сразу
Это видно опытному глазу.
Стоит на подпруги бросить взгляд —
Ты молчишь — а вещи говорят.
Кто сказал однажды, что от века
На вещах — безмолвная печать?
Вещи — откровенней человека,
Вещи не сумеют промолчать!

* * *

Мой сын, готовясь жить среди людей,
Одну простую вещь уразумей:
Козел не видит бороды своей,
Дурак не видит глупости своей.

* * *

Бессильная старость молчком подошла,
Под старость коню и узда тяжела,
Под старость и богатырю тяжела
Одежды его богатырской пола...

* * *

Кузнец, в огне железо нагревая,
На глаз его закалку познает,
Мудрец, хмельное в чарки подливая,
Гостей своих повадки познает.

* * *

Людей на свете—без числа, без счета!
А иногда покажется: всего-то
Четыре человека под Луной —
Дурак и Умный,
Трезвый и Хмельной.

* * *

Завистник — человек особый,
Об этом знают все давно:
На Солнце смотрит он со злобой
За то, что яркое оно,
Горé высокой и могучей
Завидует — на всякий случай,
Грозит с оглядкой и тайком
Своим ничтожным кулаком!

* * *

Лгун дивился: — За что меня люди корят?
Ведь нередко и сами они говорят,
Что от Правды до Лжи расстояние — пустяк.
Велика ли вина моя, ежели так?

* * *

Не думай, что секрет недобрый твой
В лесной глуши надежно будет скрыт:
Звезда толкует ночью со звездой,
И с кедром кедр негромко говорит.

* * *

У тебя лишь один подрастает сынок,
Он растет и не знает, что он одинок,
Только помни, что быстро промчатся года,
Станет взрослым мужчиной твой сын, и тогда,
Чтобы брата иметь, одиноким не быть,
Будет надвое рад он себя разубить!

* * *

Мир, состоящий из гор и морей,
Может прожить без тебя, Темирей.
Мать, что с годами старей и старей,
Как проживет без тебя, Темирей?

* *

«Ах, мне бы крылья, как птице, иметь!..»
Только ведь крылья и птице, заметь,
Не для игры беззаботной даны,
Не для парений бездумных даны!
Крылья у ней — чтобы пищу добыть.
Крылья у ней — чтобы жизнь сохранить.
За день, как ноги, они устают,
За день, как руки, они устают!

* * *

Видишь, на спине бурундука
Пять полосок можно разглядеть:
Говорят, в былые времена
Лапой приласкал его медведь...

* * *

Щенка, лаская, не переласкай —
Чтоб в губы не лизнул тебя щенок.
Сынка, лаская, не переласкай —
На шею чтоб не сел тебе сынок!

* * *

Всего удивительнее — Человек,
Потом — этот мир: океаны и горы,
Потом — бесконечного неба просторы,
И вновь — Человек. И опять — Человек...

* * *

Запомни:
Земля красива
Оттого,
Что прекрасны люди.
А они хороши на диво
Оттого,
Что земля красива.

* * *

Ответьте мне, люди:
Если черный казан
Не будет кипеть
Над моим очагом,
К чему мне тогда
Краснокрылый огонь?

Ответьте мне, люди:
Если вдруг
Исчезнет черная плоть земли
Под моими ногами,
К чему тогда
Мне будет красного солнца свет?

* * *

В небе плавает только одна
Луна золотая.
На земле не сыскать никогда
Второго Алтая.

* * *

О, неважно мне, сколько пойдет людей
Вслед за моим телом!
А важней мне, сколько пойдет людей
Вслед за моим делом...



**Баллады
и поэмы
Алтайских
гор**

ХАРАКТЕРЫ

(Рассказ в стихах)

Амыргушев Амыр —
Знаменитый охотник Алтая:
В рощах, в чашах, в ущельях
Он дома всегда и везде,
И осенние ветры,
По каменным склонам летая,
Любят греться порой
У Амыра в густой бороде.

Нет, наверно, сегодня
В горах, под луною рябою
Ручейка, из которого
Он не испил бы воды.
Волк, лиса и медведь
Меж следами других зверобоев,
В землю тычась носами,
Его отличают следы.

И пока вот сейчас
На ладонь он сыпает махорку,
И табачные крошки
Желтеют у ног на снегу —
В зоопарках Москвы,
Ленинграда
И даже Нью-Йорка
Им плененные звери
Грустят,
Вспоминая тайгу.

Вот над барсовым следом
Он встал, головою качая:
«Барс хитер — я хитрее!
Не раз еще силы сравним!

Ишь ведь — в тыл подбирается...»
Так и живут, не скучая,
И охотятся так:
Он — за барсами,
Барсы — за ним.

Раз идет Амыргушев
Охотничьей тропкой в тумане.
Чистый холод рассвета
Лицо человеку омыл.
Видит: барсова лапа
Торчит одиноко в капкане...
«Сам себе перегрыз!
Вот характер!» — дивится Амыр.
А кругом — тишина.
С белых веток снежок не стрясется.
Хороша тишина!
Можно пить ее долго и всласть.
Только вдруг над кустами
Взошла величаво, как солнце,
Морда снежного барса...
Прыжок — и борьба началась!
То Амыр наверху,
То — лесная седая зверюга.
Вот и кровь показалась.
В глазах — то светло, то темно.
Скачут елки вокруг.
Вся по кругу несется округа.
Барс метнулся —
И в ногу

зубами вгрызается,

но —

Изумленно скулит:
Непонятна, гладка, жестковата
Деревяшка в зубах!
С ней клыки совладать не сильны.

Нет ноги у Амыра:
Давно, в сорок третьем когда-то,
Он оставил ее
В раскаленном капкане войны.
Он ее схоронил
Там, на западе, в снежной России,
Где равнинные ветры
В столбах над полями гудят...

Кувыркнулся в снегу,
Напрягая последние силы,
Сбросил зверя — и встал,
Распрямился охотник-солдат.
Черт, ружье отказало!
А зверь — он не даст передышки.
Не протянешь руки,
Не предложишь по-доброму: «Мир!»
Значит, нож выручай!
...Нож темнеет у зверя в подмышке,
И лицо кушаком
Утирает охотник Амыр.

«Значит, все же не стар!
Значит, сила в руках не пропала!
Значит, зверя не раз
Одолеть еще в жизни смогу!..»
Оседают кругом
Загустевшее облако пара.
Снежный барс, теплый барс
Остывает на смятом снегу.

И уже на усах
Замирают снежинки, не тая,
И опять тишину,
Словно белую книгу, читай...

Вот какие, представьте-ка,
Люди у нас на Алтае!
Вот какие, представьте-ка,
Звери у нас на Алтае!
Вот чем славен Алтай.
Приезжайте ко мне на Алтай!

ЧЕРНЫЙ ЩЕНОК, СТАРИК АТРАШ И Я

1.

У меня был маленький черный щенок,
и сам я тогда

был совсем щенком,
когда мой щенок умер в горах
на дальнем стойбище.
Стонал, как ребенок,
дергался.

Закрыв глаза

и не открыл.

Конечно, вы знаете, что пастух
ставит юрту в гористой тайге,
в такой таинственной глуши,
что люди редко заходят к нему.
Сын пастуха так одинок!
Не с кем ему

поиграть.

Не с кем ему

поговорить.

Вот почему черный щенок
был единственным другом моим.

День-деньской,

сбиваясь с ног,
мяли таежные травы с ним.

Я по-собачьи, бывало, брехал.
Он по-людски улыбаться мог.
День-деньской не отдыхал
никто из нас:

ни я, ни щенок.

Были у нас ссоры и свары.
Мы не раз сходились в бою.
Острые зубы в клочья рвали
старенькую

овчинную

шубейку мою.

Щенок рычал,
а я кричал
и от мамы затрещины получал.
Потом на коров мы вместе брехали,
пугали коров кто как мог.
Коровы в ужасе убегали...

Моим единственным другом

был черный щенок.

На охоту мы тоже ходили вдвоем —
добывали бурундука.

Вернемся домой и вместе попьем:

он — молока

и я — молока.

Однажды старый пьяный Атраш
заночевал у нас.

В ту пору случилось затмение луны:

Шайтан утащил куда-то луну.

Деревья были ошеломлены,
шепот гор заклинал тишину.

Старый Атраш внезапно вскочил,
защептал, забормотал:

— Ложками, чашками надо греметь!

А главное — надо, чтобы лаял пес! —

Потом он руки к небу воздел. —
О, великий наш бог Юлген! — сказал,
в ноги поклонился огню
и замер в молчанье.
Потом Атраш схватил плеть
и начал хлестать щенка.
Черной змеей жалила плеть
черные бока.
Черной молнией била плеть
в черные бока.
Плеть визжит.
Щенок визжит.
Луна из темноты не бежит.
Стонала плеть.
Стонал щенок,
но вызвать луну из туч не мог.
Далеко вопли щенка слышны —
над черной тайгой
нет белой луны.
Я плачу, хочу отбить щенка
у старика,
но тот пинает и топчет щенка,
избивает его,
пока
щенок устал визжать
и перестал визжать.
Кровь из ушей у него пошла,
и стало щенку невмочь...
Я так и не припомню,
взошла ли
луна в ту черную ночь.
Когда я проснулся, блестела роса,
солнце озаряло леса,
птицы пробовали голоса,
лист на ветру дрожал.
Только мой черный друг щенок

не подбежал ко мне,
не смог —
холодный, в крови, лежал.
Таежная ель хвою свою
сыпала на него,
а он не лаял ничего
и не скулил ничего.
Я обнял черного щенка
и зарыдал над ним.
Я громко проклинал старика,
грозил: — Вот стану большим
и отомщу за своего друга!
Старик понуро вскочил в седло,
и словно ветром его унесло.
А я еще долго лежал ничком
и плакал над черным щенком.

II.

Прошли года.
Сквозь их пургу
пронес я печаль свою.
Но вот на кладбищенском лугу
с земляками стою.
Очень тихо.
Очень холодно.
Очень грустно.
— Атраш большой охотник был, —
шепчутся земляки,
и все вспоминают ум и пыл
и меткость его руки.
А я вспоминаю мясной чад:
косулю с охоты принес Атраш
и отдал в нашу семью.
Только далекие горы молчат,
думают думу свою.

— Человек умер! —
Вот что они думают.
Заступ звякает о гранит,
земля,
ударяясь о гроб, гремит.
Нету звуков иных на земле.
Тихо в маленьком нашем селе:
— Человек умер!

Но травы весенние, треща,
об участи будущей не трепеща
и в почве ходы прорыв,
продолжают прорыв к солнцу.
Атраш по звериным следам не пойдет,
и перевалов не перейдет,
и пропастей не обойдет.
Больше он к пастухам не зайдет
выпить алтайской бражки.
Будет земля себя вращать,
будет луна ее освещать,
матери будут детей качать.
И много, много раз луна
будет затмением затемнена,
а старик Атраш никогда больше
не испугается затмения.
Если дальше вдаль загляну —
внук его сможет слетать на Луну,
но не узнает об этом Атраш
и не обрадуется Атраш,
потому что у мертвых не бывает радости.
Если бы он был жив и здоров,
я бы на кладбище не пошел,
я бы в гости к нему пошел,
я бы сел с Атрашем за стол,
и мне никогда бы не вспомнились
черная ночь и черный щенок.

Я ЖДУ УЛЕТЕВШЕГО БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ

Жеребцы на черте.

Одномастные.

Без пятна.

В напряженьи орлином

То касаясь, то не касаясь земли,

они мечут шаги,

А на солнце блестят,

будто смазанные бриолином,

Ждут начала байги.

...Выстрел их,

словно стрелы, пустил.

Он гремит,

А они полетели,

облака из ноздрей

испуская

И звезду за звездой

ударом копыт

Из камней высекая.

Я догнал их глазами.

Вслед им смотрю,

и в груди

Сердце юное

в такт их копытному стуку

колотится,

В мыслях я вместе с ними

лечу впереди, впереди,

Кровь крутым кипятком

в каждой жилочке

хороводится...

За четверкою черных лошадей

Вижу:

четверо белых лебедей

Пролетают на небосклоне.

За четверкою лошадей скачу,

За четверкою лебедей лечу.

Что за лебеди!

Что за кони!

Не четыре лебедя в облаках,

А четыре всадника

ветер сбивают.

И белей не бывает их белых рубах,

Лебединей рубах —

не бывает.

Тем алтайским парням

гляжу я вослед.

Каждому — шестнадцать лет.

Ни один

не знает

слова «страх».

Все решили выиграть

скачки в горах...

Далеко-далеко

они ушли —

К горизонту, где небо коснулось земли.

Черные кони,

как черные грачи,

а потом почти

как черные точки.

А белые лебеди

как снежинки почти,

как маленькие белые комочки.

...Вдруг как будто черный враг

выстрелил из-за угла и попал —

Упал черный грач.

Черный конь упал.

Застонала земля под ним, охнула.

Что-то в моей груди лопнуло.

Что случилось с тобою?

Где ты, мой брат?

Только что в ушах твоих ветер свистел.
Только что сам черт тебе был не брат —
Из седла вылетел, далеко отлетел.
Далеко отлетел

и свое — отлетал.

Черный конь над тобою встал,
Землю нюхает,

фыркает,

ржет над тобой,

Над тобой, белым лебедем,

белым лебедем;

бороздившим небосклон голубой.

Как шатается небо над твоими глазами!

Белый свет из тебя вытекает

со скучными твоими слезами.

Все мне чудится: ты не остался

на черной земле,

на зеленой траве,

А, крылами взмахнув,

белым лебедем,

белым лебедем

исчез в синеве.

Белый лебедь,

шестнадцать в тот год

тебе было, когда

Приключилась беда.

И шестнадцать прошло,

и, не веря в беду,

До сих пор тебя жду,

белый лебедь,

белый лебедь,

белый лебедь.

ЗОЛОТАЯ ПТАХА

(Поэма-сказка)

В голубой долине на Алтае,
Там, где ветерки в траве играют,
Где ручьи в камнях щебечут смело,
Золотая Птаха звонко пела.
Жила она, поживала,
В небесах беспечно распевала,
Высоко парила над землею,
Хвастаясь одеждой золотою.

Беркут грозный ее увидит —
Облетит, не тронет, не обидит.
Страшный филин ночной чуть не слепнет
Перед красой ее великолепной.
Выше гор летает золотая,
Будто лучик золотой сверкая.
День-деньской кружится над землею,
Удивляя своей красотой.

Голубая долина изобильна —
Кедры Птахе шишки дарили,
Цветы для нее расцветали,
Нес прохладу ручей хрустальный.

Бывало, из ручья она напьется
И опять в крутую синь взвывается.
Снова слышно по всему Алтаю,
Как резвится Птаха золотая.

Но однажды летним утром белым,
Когда солнце в небе заалело,
Налеталась Птаха, заигралась,
Бабочек перегонять старалась.

На склоне холма рос кустарник,
Неприметный ершистый татарник.
На него-то Птаха опустилась,
Отдохнуть на ветке примостилась.
А кустарник, нескладный и колкий,
Спрятать не успел свои иголки.

Встрепенулась Птаха золотая,
Взбеленилась Птаха золотая:
— Куст проклятый, что же ты наделал,
Я одна, одна на свете белом,
Почему же ты меня не холишь,
А колючкою дурацкой колешь?
Нет, такой обиды не спущу я,
И тебе, злодею, отомщу я!

Резко крылья над кустом взмахнули,
Стала Птаха серая, как пуля,
И, как пуля, в воздухе мелькнула,
Злобным свистом бабочек спугнула,
Распираемая гневом вздорным,
Устремилась Птаха к склонам горным.
Там, на тучных пастбищах зеленых,
Козы белые паслись на склонах.
Крикнула им Птаха, подлетая:
— Я сестричка ваша золотая,
Он обидел меня, этот злющий,
Куст колючий распроклятущий!
Козы, тотчас в долину отправьтесь
И с кустарником подлым расправьтесь!

Отвечали ей белые козы:
— Непонятны нам твои слезы,
Не нужны нам колючки, мы сыты,
Успокойся и дальше лети ты,

Да и нет тебе, Птаха, веры —
Ты от злости сделалась серой!

Сильно Птаха на коз рассердилась,
Еще пуще она возгордилась.
К лесу темному подлстая,
Видит — шастает волчья стая.

— Братья милые, жадные волки,
Куст меня уколол иголкой,
Козы белые не заступились,
С бранью на меня напустились,
Нагоните-ка вы на них страху,
Вспомнят пусть золотую Птаху!

Ухмыльнулись волки, зарычали
И сквозь зубы Птахе отвечали:
— Там, где зло живет, — добра не ищут,
Нам и здесь, в лесу, хватает пищи.
Ты сама, пока летала в гости,
Стала серой, точно волк, от злости!

Снова Птаха свечкой в небо взмыла,
Полетела к дальнему аилу,
Где охотники заночевали,
В сумерках неспешно чаевали.

Затрещала птаха что есть силы,
Помощи опять она просила:

— Храбрые охотники-братья,
Не могу с обидой совладать я,
Не ушла от беды неминучей —
Куст меня поранил колючий.
Жаловалась козам бороатым,
Слушать не хотят меня, куда там!

Волки, те меня отругали,
Жирной падалью вслед мне рыгали.
Ну-ка вскиньте, охотники, ружья,
Перебейте волков непослушных!

— Что ты, Птаха, придумаешь тоже.
Нет нам дела до обид твоих ничтожных.
Понапрасну пули мы не тратим —
Осенью поедem белковать мы.
Растолкуй нам лучше, что случилось,
Ты от злобы, что ль, переменялась?
Ведь была золотою, нарядной,
Стала серой, как порох зарядный!

— Вспомните еще меня, лентяи, —
Прошипела птаха, улетаю, —
Погодите, найду я управу
На ленивую вашу ораву!

С охотниками побранившись вволю,
Полетела к хлебному полю,
К мышинным норам укрomным,
Бессчетным, глубоким и темным.
Близко-близко Птаха подлетела
И притворно-жалостно запела:

— Ах вы, мышки мои полевые,
Ласковые, милые такие!
Куст колючий меня обидел,
Свет такого злющего не видел.
Жаловалась я козам белым —
Не сочувствуют ни словом, ни делом.
Злых волков умоляла помочь я —
Прогнала меня стая волчья.
Охотники, и те не пригрели,
Пуль своих на волков пожалели.

Мышки, знаю, вы лисѣ хитрее,
Вы охотников метких мудрее,
Как пробраться к ним, сообразите,
Мешки с порохом перегрызите!

Мыши Птахе из нор отвечали:
— Невдомек нам твои печали,
Нынче в поле урожай небывалый,
Зерен впрок запасли мы не мало,
Тормошить охотников не будем,
Зло чинить не хотим добрым людям.
— Но ведь просит вас не простая,
А единственная, золотая,
Все должны предо мной преклоняться,
Все должно для меня исполняться!

Мышь-отец из норки показался
И на задних лапках приподнялся:
— Слушай, Птаха, что тебе скажу я,
Нет, не золотая ты, гляжу я,
Ты серей мышиных спинок наших,
Ты темнее нор, чернее пашен!

Птаха слушать больше не хотела,
Злобно хлопнув крыльями, взлетела.
Покружилась-покружилась в небе ясном
И спустилась к девушкам прекрасным,
Что у белых юрт напевали,
Свадебные платья вышивали.
Громко Птаха им закричала,
Льстиво их она величала:

— Девушки мои дорогие,
Вы красивые, пригожие такие,
До чего ж румяны вы да юны,
Лица ваши светятся, как луны!

Уколол меня кустарник зловредный,
Кто же мне теперь поможет, бедной?
К белым козам я обратилась,
Волки серые не пожалели,
Крылья я унесла еле-еле,
Слез охотники не понимали,
Жалобам моим не внимали.
Залетала я к мышам-полевкам,
Разжиревшим от зерна плутовкам.
Их молила тоже — все впустую,
Не жалеют меня, золотую.
Вы, красавицы, поторопитесь,
За сиротку бедную вступитесь,
Поскорее заступы берите,
Норы гадких мышей разорите!

Девушки неспешно отвечали:
— Платья мы готовим для венчанья,
Скоро наши свадьбы, и к тому же
У мышей мы зла не замечали.

— Но ведь я одна на всем Алтае,
Шелковистая, золотая,
Неужель обидчикам простите,
Тотчас за меня не отомстите?

Оторвавшись от своей работы,
Удивились девушки:

— Да что ты,
Кто тебе сказал, что золотая?
Серая ты, злостью налитая,
Вместо перьев золотого шелка
Тощие колючие иголки!

— И на вас я отыщу управу,
Будет вам расплата не по нраву! —

Птаха на прощанье просвистела
И стремглав к старушкам полетела.

— Бабушки, — еще ныряя в тучах,
Пела Птаха, — вы добрее внучек,
Краше молодости ваша старость,
Мне ж, сиротке, столько бед досталось:
Впился куст в меня колючкой острой,
К белым козам я пришла, как к сестрам,
Но они меня не пожалели,
На кусте колючки не объели.
Я пожаловалась волчьей стае,
Волки белых коз пугать не стали.
И охотники не пособили,
Из ружей волков не перебили.
Поленились мыши полевые
Перегрызть мешки пороховые.
Понадеялась на ваших внучек —
От шитья не отрывают ручек,
Нор врагов моих не разоряют,
Да еще меня же укоряют!

Старушки головами покачали,
Но не сразу Птахе отвечали.
Пошептавшись сперва меж собою,
Зашумели, как деревья листвою.
— Э-э, — сказали бабушки дружно, —
Стоит ли печалиться, не нужно
Мелкие свои обиды множить,
Из-за чепухи весь мир тревожить!
Видишь, ладим мы кошму из пуха,
Будет в юрте и тепло, и сухо,
Внучки свадебные шьют наряды...
Баламутить белый свет не надо!

— Бабушки, но я же не простая,
Посмотрите, я ведь золотая!

Переглядываются старушки,
Будто не поверили друг дружке.
Еще раз на Птаху поглядели
И, как ребятишки, загалдели:
— Может, и была ты золотая,
А теперь ты дряхлая, седая,
Злость до срока сушит, старит душу,
Вовремя угомонись, послушай...

Сделалось еще обидней Птахе,
Злее, резче стали крыльев взмахи,
Над пустыней желтой, за барханом
Встретилась со смерчем-ураганом.

Мыслями с Алтаем распростилась,
К ветру-чужеземцу подольстилась:

— Здравствуй, желтый ветер, брат мой старший,
Крепче нету давней дружбы нашей,
Видно, жить не можем друг без друга,
Я твоя сестренка и подруга,
Были, есть и будем неразлучны...
Слышь, задел меня кустарник злющий
На земле моей. Промчись над нею —
Всех кустов ты злее и сильнее.
Козы мне помочь не захотели,
Куст не затоптали, не объели.
Козам отомстить волков просила —
Лень да сытость их лишили силы.
И охотники меня турнули,
Для волков им, видишь, жалко пули.
Мыши полевые в подземелье —
Даже те ослушаться посмели.

Девушки, что платья вышивали,
Тощею иголкой обозвали.
Обращалась к сморщенным старухам —
Заняты своим дурацким пухом.

— Вот как? — Желтый ветер удивился
И, разгневанный, остановился. —
Смеют ли они тебе перечить?
Налечу!.. Развею!.. Покалечу!..

На душе у Птахи легче стало,
Жалостно она запричитала:

— Взвейся, желтый ветер, вихрем черным,
Отомсти им, черствым, непокорным,
Без пощады отомсти, пусть знают,
Нас с тобой со страхом вспоминают!

Грозно желтый ветер вострепнулся,
Страшным вихрем черным обернулся,
На Алтай наслал он непогоду,
Вмиг перемешал песок и воду,

Вниз потоки мутные обрушил,
Залил юрты, напугал старушек,
Клочья пуха белого летели
По небу, как снежные метели.

Как старушки ни перепугались,
В чем причина, тут же догадались:
— Это Птаха злая, не иначе!
...Вот гонец от них к невестам скачет,
Чтобы даром время не теряли,
Мышек-норы в поле разоряли.

Девушек завидев, поднял лапку
Мышь-отец. Схватив мышат в охапку,

Мыши все в аил заторопились
И в мешочки с порохом вцепились.

— Эй, беда! — друзей охотник будит, —
Ничего хорошего не будет,
Видно, Птаха горе насылает...
Вмиг охотники коней седлают,
Обжигают сгоряча хлыстами —
И айда за холм, где волчья стая.
Волки, хоть жируют две недели,
Конский запах различить успели
И скатились кубарем в долину,
Издали почуяв дух козлиный.

Козы белые в лугу зеленом
Вдруг насторожились изумленно,
По камням к колючкам побежали:
— Птаха, мы всегда их обожали,
Эти кустики! Они вкуснее
Той травы, что всюду зеленеет,
Право, нет еды нежнее и лучше,
Мы сжует все до одной колючки!..

Над долиною Птаха летала,
Черным смехом она хохотала,
Злостью новой она наливалась,
Хитрой мстью своей упивалась.

Время шло, и стало всем обидно,
Трусости своей минутной стыдно.
Не сговариваясь, порешили: баста!
Козы белые и волки клыкастые,
У костра совет держали чинно
Храбрые охотники-мужчины.
Застыдились девушки-невесты,
Бабушки не находили места.*

Даже мыши, мыши полевые
Покраснели от стыда впервые.

Лишь теперь, опомнившись от страха,
Поняли: хитра, ничтожна Птаха.
Сколько зла она натворила,
Сколько лживых слов наговорила!
И прогнали ее всем миром
Заодно с желтым ветром постылым.
В небе таяла она постепенно,
Будто клок ядовитой пены.

...На Алтае, в голубой долине
Ярко светит солнце в небе синем,
Ручеек меж камушков резвится,
И никто друг друга не боится,
И цветы алеют расцветая...
Зла теперь не сыщешь на Алтае.

ОДИНОКИЙ ДОМИК СРЕДИ БЕЛЫХ СНЕГОВ

(Поэма-хроника)

Встреча

— ...Как звать-величать?
— Диман.
Я — из рода майман.
Хозяйку зовут
Чачак,
Она из рода кыпчак...
Тебя я что-то не знаю
Или не узнаю?..

Я имя, сеок¹ называю,
Долину родную свою.

— Э-э, значит поэт наш!
Что же,
Поэты Алтаю нужны.
Это не каждый может,
Мы вот с женой — чабаны...
Спрашиваю в свой черед,
Как здоровье почтенных,
Сыт ли ваш белый скот.
— Если в котле не кости —
Похлебка густа, жирна.
Душа хорошего гостя —
В добрых словах видна.
Спасибо, здоровы сами,
Скот наш тоже здоров...

Мчался под небесами
Белый табун ветров,
Время над кровлей летело,
Речь текла не спеша,
У очага — не тело,
Оттанвала душа...

— Мне-то?
Шестой десяток.
Детей-то?
Целый аймак.
В этом у нас достаток,
Не так ли, скажи, Чачак?
— Сбитой холкой гордится
Ленивый конь, говорят.
Кучей детей гордится
Каждый бедняк, говорят.

¹ Сеок — род. (Здесь и далее прим. переводчика).

Не про тебя ли такое, —
Сердясь, сказала жена, —
Может, про нас с тобою? —
Смеясь, сказала она.
Диман,
Улыбаясь счастливо,
Трубку свою раскурил.
Хозяин неторопливо
О детях заговорил.
Переплелась в рассказе
Профессий, имен череда,
В одной повстречались фразе
Дальние города.
И по-семейному рядом
Вошли в его разговор —
Эмиль —
Артистка эстрады,
Эрке —
Электромонтер.
Студенты Торкош и Толя...
Профессии...
Имена...

— Всех я припомнил, что ли,
Или не всех, жена?

— Как из разбитой чашки
Льются твои слова.
Совсем дырявою стала
Старая голова...
Хватит, пора уняться,
Ты что — захмелел, старик?
Если скажешь двенадцать —
Что, отсохнет язык?

— А как ты думаешь, если
Хмелею я без вина,

Ведь для меня как песни
Детей наших имена...

В армии в Казахстане
Служит наш Азулай,
Трудится на Алдане
Мой сынок Айаспай...
Вдруг замолчал,
Осекся...
Улыбку укрыв туман.
Трубка погасла, не может
Ее раскурить Диман.

— Старое мясо застрянет,
Как ни вари, в зубах.
И острослов споткнется
Сам на своих словах! —
Сердито Чачак сказала, —
Меры не знаешь словам!
В глазах у нее стояла
Досада с бедой пополам.

Поднял хозяин голову,
Продолжил тихо рассказ:
— Одна на все стадо — комолая
Есть корова у нас...
Дали шесть лет Айаспаю...
Не остерег сорванца...
За сыновей, я знаю,
Спрашивают с отца...

Холод окутал зимовье.
Диман головой поник,
Перед собой безмолвно
Сидит и смотрит старик.

— Кто же станет ребенка
Родного злу обучать? —
Со слезами, негромко
Проговорила мать. —
Всех под сердцем носила,
Зла не желала им,
Не аракой вспоила,
А молоком своим...
Увидишь ли через горы,
Куда тропа приведет?
Откуда навалится горе —
Узнаешь ли наперед?

Понял:
Задето больное,
Таимое с мукой, и вот,
Я поспешил на иное
Направить беседы ход:
— Наверное, старшие дети
Своих поднимают детей?
Диман торопливо ответил:
— А как же!
Диманов Эндрей,
До нас ему далековато,
Но есть уже табунок —
Три дочки — помощницы матери,
Четвертый помощник — сынок...
Не вырастают деревья
Все
Одной высоты.
Не расцветают в долине
Цветом одним цветы.
Сникшие ветки расправятся.
Снова настанет май.
Может, еще исправится,
Путь найдет Аяспай...

Чачак головой качает:
— Остановись, наконец,
Не разговором — чаем
Встречают гостя, отец!
— Как же, верные речи.
Без чая аил — не аил,
Но нет ли чего покрепче,
Чтоб гость наш доволен был?..
— То ли сама не знаю,
Многоречивый мой,
На-ка, держи, хозяин,
Гостю налей чочой¹.

Забыты и ночь, и стужа.
Диман:
— Как считаешь, поэт,
Нужен или не нужен
Нам электрический свет?
Диман подмигнул:
— Двенадцать
Детей у жены моей,
Света не будет — родятся
Еще двенадцать детей!

— Ива создана ивой —
От корешка до листка,
Весь человек болтливый —
Создан из языка!
— Того, что ты — героиня,
Стыдиться мне, что ли, мать?
Горжусь, что ты — героиня,
Сердиться не надо, мать.

Мы улыбались, друг другу
Приоткрываясь душой.

¹ Чочой — пиала для араки.

Ходил меж нами по кругу,
Не убывая, чочой...
...Но покой сокрушили,
Словно гул в тишине.
Меж словами о мире —
Вновь слова о войне.
Диман говорит:
— Посмотри-ка
На правую руку мою —
Видишь, два пальца?
Другие все отгрызла война.
Но хлеб удержать
И выстрелить
И этими — я смогу!
Чачак говорит:
— Боль от прежней войны
Не утихла в душе,
А душа за детей
Новой болью болит.
Неужели когда-нибудь
Снова, опять все начнется?
— Нет, — я ей отвечаю, —
Не будет войны,
На планете тревожно,
Но мирные ветры — сильнее.
— О высокое небо, —
Она говорит, —
Это что же такое?
Столько добрых людей,
Столько умных людей,
Столько сильных людей,
А с бедою не сладят...
Пусть не будет войны,
Пусть не будет, сынок...

ИЗ ТЕТРАДЕЙ ДИМАНА ЭЗЕНОВА

...Год Змен — трудный год. Змея приползет, как обвал обрушится.

1941, если по-алтайски считать, Год Змен. Июль — Месяц Большой Жары.

Я в Казани, лежу в госпитале. Первый бой, а я из строя вышел, скоро ли начнет ходить раненая нога? А мои пули — задели они хоть одного фашиста?

Эйт, какое горячее время, какое быстрое!

Вроде только вчера был в родной Куулге, слушал крик петухов, лай собак, топот коней... Теперь все другое. Точно земля перевернулась. Столько прошел, столько проехал, столько увидел!

Учился в Ойрот-Туре, да пришлось с первого курса педучилища возвращаться в Куулгу — учителей мало, а детей учить надо. Но недолго я учителем был. Кто там вместо меня? Работает ли школа?

(8 августа, 1941 г., г. Казань).

...Я в Москве, в Октябрьском районе.

Из госпиталя — сюда. Нога ходит, как новая. Ждем. Сегодня-завтра — на передовую.

Ночью слышен орудийный гул. Фашисты взяли столько земли! Подавятся, это точно. У нас в Куулге говорят: бежал — думал мясо жарят, прибежал — лошадей клеймят. Так и с немцем получится. Не я один так считаю. Все так считают...

Первое письмо из дома, как верная собака, бежало по следу, пока не нашло меня. Сюда оно через Казань пришло.

Думал, радость с ним получу, дома побываю. Побывал, только отца не застал — его направили под город Кемерово, в угольную шахту. Мать-старуха и

сестра одни остались. Везде война, в Куулге — тоже война, и пахнет не дымком можжевельника, а дымом злого пожара...

Скорей бы в бой!

(6 октября, 1941 г., Москва).

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ЧАЧАК

Мой рассказ совсем простой —
Про собаку и овцу.
Звать овечку Ёскюзек,
«Сиротинкой» звать ее,
А собаку звать Тайгыл,
Но о ней потом скажу.
Сиротинку Ёскюзек
Я вырастила, как дитя.
Когда пала мать ее,
Только ласкою моей
Ярка белая жила —
Сиротинка — Ёскюзек.
А сегодня Ёскюзек
Объягнилась, и беда —
Первенца не признает,
Гонит от себя,
Позабыла, как росла,
Что с ней делать, о, куда-и!¹
А ягненок был как снег,
Весь в кудряшках-завитках,
Ладный — вылитая мать, —
Просто любо посмотреть,
Тычет мордочкой своей,
Кажет красный язычок.
Несмышлениш верещит,

¹ Восклицание, аналогичное «О, боже!»

Плачет громко, ищет мать.
Только к матери шагнет —
Та его толкнет ногой.
Как сказать ей: ты сама
Сиротой выросла, овца,
Так ягненка пожалей,
Сиротинку, Ёскюзек!
Мне приврать не даст никто:
Вот она, картина та.
Хоть жива овечка-мать,
А ягненок — сирота.
Я решила проучить
Непонятливую мать.
И Тайгыла привела
К ней в пригон на поводу,
И Тайгыл, как будто волк,
Зубы скалит, шерсть торчком,
На ягненка щерит пасть
И пугает Ёскюзек.
Заметалась Ёскюзек,
Грудью двинулась вперед.
Вмиг ягненка своего
Заслонила от беды.
Так решительный Тайгыл
Мать в овечке разбудил.
Повозившись с Ёскюзек,
Я подумала тогда,
Что порою и людей
Вместе сводит лишь беда.
А когда покой в дому —
Кто-то нужен ли кому?
Только в тягостные дни
Мы снисходим до родни.

Нет! Не ждите черных дней,
Чтоб друг другу стать родней!

ИЗ ТЕТРАДЕЙ ДИМАНА ЭЗЕНОВА

Пуля не видит. Пуля не думает. Куда пошлют — туда и летит, кого встретит — того и уложит.

Вчера лежу в мокрой траншее, обхватил автомат, шевелиться не хочется. Глянул, а рядом «Вася-чугун» — Бортников — самокрутку заворачивает. Спокойно, как дома. И сам он здоровый, как медведь, спокойный, неторопливый. Посмотрел я на него и успокоился. Вот он сидит, курит.

И так вдруг покурить захотелось, даже в горле запершило.

— Бортников, эй, Бортников! — говорю. — Дай закурить.

— Считаешь, поможет? На, закури.

Я подобрался к нему. Он протянул мне кисет.

— Завернуть-то сумеешь? — спросил и улыбнулся. Что такое? Не успел он руку убрать, как вздрогнул и мягко, медленно сполз по стенке траншеи, повалился. Не шутит ли?!

И тут я увидел — кровь заливает его лицо.

— Бортников!.. Вася!..

Но он ни слова не сказал, не шевельнулся. Осколком. Насмерть.

Жив буду — никогда мне не забыть, как я курить начал. (17 октября, 1941 г.).

ВТОРОЙ РАССКАЗ ЧАЧАК

Где лицо ясней луны?

Где веселый звонкий смех?

Где безудержная кровь?

Где ты, молодость моя,

Дети милые мои,

Ветви сильные мои?..

Аргамака звездной масти
Я всю жизнь для вас пасла,
До горы жемчужной счастья
Я тропу для вас вела.
Вы ушли и воду пьете,
Ту, что нам с отцом не пить.
В дальних землях вы живете
Там, где нам с отцом не жить.

Дети милые мои,
Ветви сильные мои...

Чтобы голым не ходить,
Чтобы глухих не смешить,
Я из кожи в пол-ладошки,
Я из ситца в пол-аршина
Каждому из вас одежки
Как — сама не знаю — шила.
Чтобы с голоду не выть,
Дураков не веселить,
Я по ложке собирала
Молоко на черный день,
Со слезами собирала
Я по зернышку ячмень.
О ночах моих без сна —
Знают звезды и луна,
Что на жизненном пути
Мне пришлось перенести —
Неизвестно никому,
Только сердцу моему.

Дети милые мои,
Ветви сильные мои...

Долго вам еще расти,
Вы проложите пути —
Через звездные стада
Или полем, где трава, —
Сохраните навсегда
Материнские слова.

В них лицо мое — для вас,
В них для вас мой звонкий смех,
И слеза моя, и кровь,
В них вся молодость моя:
«Баю, баю, бай, балам¹.
Вечер бродит по горам,
Баю, деточка моя,
Баю, веточка моя.
Баю, баю, бай, сынок,
Рода древнего росток.
Баю, баю, бай, птенец,
Будешь метким, как отец,
Он отдаст тебе свое
Богатырское ружье.
Баю, шелковый сынок,
Ты продолжишь наш сеок.
Баю, баю, спит Алтай,
Богатырь мой, засыпай,
Для тебя из-под земли
Звезды солнце принесли,
Но светлее всех лучей —
Сын мой — свет моих очей.
Баю, баю, бай, балам,
Вечер бродит по горам...»
Колыбельная моя
Бесконечною была,
Не допела, а гляди —
Жизнь почти что вся прошла...
Начинала петь ее
Молодою-молодой,
Не допела, а гляди —
Стала старой и седой...

¹ Балам — дитя.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ДИМАНА

— Эй, Чачак, однако, мясо
Запросилось из котла,
Доставай, чтобы беседа
Содержательней была!
Зимней ночи края нету.
Чтобы гнать к рассвету тьму,
Правду, если не поэту, —
Я поведаю — кому?

Сто дорог, но всех дороже —
По родным долинам путь.
Расскажу, как знаю, может,
Пригодится что-нибудь...

Мы врагу хребет сломали
И с победою пришли
Из чужой далекой дали
К очагам родной земли.

Но и тут в тылу глубоко,
В нашей мирной Куулге
Фронт прошел в огне жестоком,
Точно буря по тайге.

Танки, пушки, бомбы, пули,
Смерть всех марок и систем...
В Куулгу с войны вернулись
Из семидесяти — семь.

Я с годами чаще слышу:
Раздается под землей
Стук сердец ребят погибших,
Ставших прахом и золой.

Не вернуться им вовеки,
Не узнать любви, тепла.
Отсекли парней, как ветки,
От алтайского ствола.

Родине служили свято
Силой мужества, любви.
Не исполнили ребята
Лишь один приказ:
«Живи!»

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ

(Из тетрадей Димана Эзенова)

Этот день я до смерти буду помнить. 20 октября 1941 года. Мы окружены, боеприпасы на исходе. Фашистские самолеты сбрасывают листовки: вот немецкие парикмахеры бреют сдавшихся в плен; вот солдаты в бане, получают чистое белье...

Со всех сторон из рупоров:

— Вы окружены! Сдавайтесь! Гарантируем жизнь...

И снова — лай пулеметов, вой мин, свист пуль.

Эх! В девятнадцать лет обидно умирать! Хоть бы женат был, хоть бы детьми обзавелся... Погибну — никого после меня не останется...

У того, кто духом пал, и конь спотыкаться начинает, — так говорят у нас в Куулге... Нет, не надо до смерти под камень ложиться.

Если разбиваться, то — падая, а если падать, то — с высокого дерева, Диман...

Третий день. Что делать? Как вырваться? Третьи сутки в плену у врагов. Снег. Холодно. Окраина какого-то села. Голод.

Комсомольский билет я спрятал в сапог, под стельку. Хотя сапоги целы, я их обвязал проволокой. Чтобы шакалы на них внимания не обращали.

Пятый день. Стою утром в очереди за бурдой. Один из офицеров манит к себе и, указывая на меня круглым подбородком, что-то говорит стоящему рядом фашисту. Тот на чистейшем русском спрашивает:

— Как зовут?

— Диман.

— Иван?

— Можно и так, но все-таки я — Диман.

— Ду бист руссиш?..

Ну, это и без перевода ясно. Отвечаю:

— Можно и так понимать, но все-таки я — алтаец.

Обер, улыбнувшись, что-то говорит.

— Не хочет ли сибирский дикарь жить в Берлине? — перевел его прихвостень.

А, думаю, будь что будет:

— Однако, проживу в Берлине после нашей победы!

Словно в горячий жирный котел капнула холодная вода, так переводчик зашипел: «Шр-р-р». Обер отбросил сигарету. И ка-ак даст мне в челюсть...

Очнулся в сарае. Рядом солдат Пупышев. Болит спина, голова. Лицо опухло, глаза еле шевелятся.

— Я думал, тебе уж — каюк, не поднимешься...

Ответить ничего не смог. Только подумал: «Нельзя, друг, умирать, мне ведь всего девятнадцать!..»

Десятый день. Нас куда-то гонят.

О, куда! Человек, пока живет, всякое, оказывается, увидит! Немцы под колеса буксующих машин бросали живых людей. Снова и снова...

А где же моя смерть?.. Когда же меня бросят под машину, которая не может никак выбраться из грязи?..

...Нас гонят через густой березняк. Идет мокрый снег. Если сегодня не вырваться, то другого случая не будет. Думаю, что о побеге не у меня одного мысль кипит.

Снег падает, темнее становится.

И вдруг что-то случилось. Слышен топот, треск сучьев, хруст снега... Тут и там раздаются выстрелы — трр-к, трр-к... Бежим, задыхаясь...

Что ж, я ничего не хочу скрывать. Что было, то было.

В 1941 году с 20 по 31 октября я был в плену. Так сложились обстоятельства. Как было, так и описал, дети мои, я — Эзенов Диман.

КЛАША

В объятиях бурана
Избушка. Гаснет ночь.
А на руках Димана
Проснувшаяся дочь.
И — дождиком вопросы,
И ждет на них ответ
Птенец звонкоголосый,
Румяный первоцвет.
Забывшее, простое
Вдруг приоткрылось мне,
Увиделись просторы
Как будто бы во сне.
Все города — далеко,
А рядом горы, снег,
Очаг, изба, дорога
И добрый человек.

Наверно, за метелью
Не разбираю слов,
Ни радио, ни теле,
Ни прочих голосов.
Однако вой бурана
Усилится едва —
Весомей речь Димана,
Заветнее слова.

Все слушает: и лампа,
И печь, и старый шкаф,
И пес Тайгыл, на лапы
За стенкою привстав.
Тут девочка неожиданно,
Немного смущена,
Спросила у Димана:
— А что это — война?
Войну я не видала.
Когда она была,
Мне мама не сказала,
А я и проспала...
— Нет на планете хуже,
Страшней войны... беда...
— Плохая? Почему же
Ты воевал тогда?

Ответить он не может
(Найдет же что спросить!),
Но и улыбку тоже
Не может погасить.

И снова ждет ответа,
Вновь спрашивает дочь:
— Скажи, а «немис» этот —
Как Дьелбеген¹, точь-в-точь!?
Пришел, разинул пасти,
Как страшный коко-ок²,
Схватил тебя за пальцы,
А съесть всего не смог?!

...И вдруг передо мною
В заснеженной глуши

¹ Дьелбеген — семиглавый людоед.

² Коко-ок — воображаемое страшилище, которм пугают детей.

Встал солнечной волною
Рассвет людской души.
О нет, не затерялась
Избушка чабана,
Но близкой оказалась
Всей Родине она.
Всей Родине, державе,
Где слитны меж собой
Народы в трудной славе —
И кровью, и судьбой.
И здесь в чабанском доме,
В заснеженном краю
Мир — сложен и огромен —
Ворвался в грудь мою.
Он будет чище, краше,
И в яростной борьбе
На все вопросы, Клаша,
Ответим мы тебе!
Не вечен мрак угрюмый,
Светить, расти заре,
Ведь в каждом доме думы
О правде и добре!

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ДИМАНА

(Продолжение)

Жизнь, пройдя до перевала,
Я понять хочу ее —
Из чего судьба взрастала,
Чем наполнено житье?..

В тишине ночей бессонных
Вижу прошлое опять —
Одногодков погребенных
От души не оторвать.

Эти думы ножевые —
Жизнь и молодость моя,
В них друзья со мной живые...
Но не с ними нынче я.

Эти братские могилы!
Им бы, братьям, жить да жить...
Но на свете нету силы,
Чтобы павших воскресить.

Но пути их не забыты,
Не зарос полынью след,
Все стучат, стучат копыта
Аргамаков наших лет.

И река не измельчала,
Не пропала без следа —
Все журчит, как и журчала,
Их поившая вода.

Речка — та, вода — иная,
Мы иные с каждым днем.
С уходящим убываем,
С возникающим — живем.

Разве старым—только память?
Ярость — только молодым?
Разве юность — только пламя?
Разве старость — только дым?

Нет!

Покуда сердце бьется —
Жить, с ушедшим не уйти,
И покуда светит солнце,
Не сворачивать с пути!

Ведь поверье наше живо:
Долго жил ты, но когда
Жизнь честна и справедлива —
Продлеваются года.

Смерть придет, забрать готова —
Каждому отмерен срок,
Доброму у жизни снова

Кто-то выпросит денек.

Бурундук сегодня просит:

«Пусть еще денек живет».

Кабарга на завтра просит:

«Пусть сегодня не умрет».

Просят лось, марал и птица —

Все,

Кому не делал зла...

И продлится,

И продлится

Жизнь, коль доброю была...

Беды так меня месили —

Кто ж от лютой смерти спас?

Может быть, они просили

За меня уже не раз...

ИЗ ТЕТРАДЕИ ДИМАНА ЭЗЕНОВА

Хоть мы и вырвались из вражьего логова, откуда же все должно быть гладко и хорошо. Нет, не гладко... Время такое, война. Каждому понятно. Почему в плен попал, как попал, что там говорил?..

Хоть глаза светлы, а в груди что? Как узнаешь? Надо дознаться, чтобы доверить вновь оружие, доверить защиту Родины, поставить под Красное знамя.

Хорошо, что я свой комсомольский билет сохранил. Я его спас, а он меня... (Декабрь, 1941 г.)

* * *

38-я армия Сталинградского фронта. Я теперь здесь в артдивизионе... Теперь у меня, как говорится, есть конь под седлом, который несет меня в бой.

Пусть меня черная земля проглотит, пусть злой огонь сожжет, не отступлю, нет пути назад! (Бекетов-ка, 1942 г.)

ВТОРОЙ РАССКАЗ ДИМАНА

Вот о чем мои тревоги,
Вот о чем печаль моя —
Те ли, наши ли дороги
Выбирают сыновья?

Думал раньше...
Но такая
Боль на сердце — тяжела —
Мне письмом от Айаспая
Из Якутии
Легла.

Она мучит и тревожит,
Не дает спокойно спать:
В чем мой сын меня продолжит,
В чем не станет продолжать?

Написал он мне такое:
«Дрался ты и убивал,
В девятнадцать под конвоем
За «колючкой» побывал.

И хотя сравнения нету —
Но к тому я речь веду;
Что, отец, а если это
Повелось у нас в роду?..»

Глупость выглядит иначе.
Прет с тетрадного листа
Пустота души незрячей,
Сердца злая глухота!

ГДЕ «сидел» я — ЭТО важно!
Убивал я, но КОГО?
Как мне стыдно,
Горько,
Страшно,
Как мне больно за него!..

Жизнь теперь у молодежи
Лучше стала, ладно, пусть!
Только их и наш — не схожи
Соли вкус и хлеба вкус.

Соли вкус...
Спаялся в корку
Пот усталого бойца,
И коровы гимнастерку
Ели вместо лизунца.

Хлеба вкус...
Поля России!
Чтоб хлеба твои росли,
Мы их кровью оросили,
Сами в борозды легли.

Все для юных—что-то... где-то...
Мимо сердца, без следа...
Чтоб понять душою это,
Им СВОЯ нужна беда?

Может, бой им нужен или
Море крови и огня?..
Нет! Прости! Заговорили
Злость и горе за меня.

Воевавший, повидавший,
Сам горевший в том огне,
Поседевший, пострадавший,
Говорю я:
— Нет — войне!..
...Но послушай, что же дальше
Айаспай готовил мне.

Он писал:
«Родные горы,
Рек и неба синева,

Чай густой и без укора
Материнские слова
Снятся мне.
Мне снится — в поле
Я лечу на скакуне...
Убегу, отец, на волю,
Тяжело и тошно мне...»

О куда́й, о небо!
Что же —
Раз упал он, и — опять?
Жизнь, едва начав, он может
Насовсем переломать!

Не любовь вела слепая.
А вина — не смог, не спас.
Я поехал к Айаспаю
В первый, не в последний раз.

Узнает коня по ржанию
Конь другой за кромкой гор,
А людскому узнаванию
Нужен долгий разговор.

И теперь я твердо знаю —
Мерз в Якутии не зря,
Приезжая к Айаспаю,
С Айаспаем говоря...

Вот что я тебе замечу —
По якутской стороне
Он и сам в душе навстречу
Трудный путь прошел ко мне.

Стал он новым Айаспаем,
Говорит: «Отец, поверь —
Я вину перед Алтаем
Сердцем чувствую теперь...»

ТРЕТИЙ РАССКАЗ ЧАЧАК

Из снегов рожденным рекам
Течь привычно далеко,
А вот сделать человеком
Человека нелегко.

Жизнь я детям подарила,
Но, чтоб вырастить детей,
Тут нужны терпенье, сила,
Доброта всего нужней.

Так всегда на свете было —
Добротою мы сильны,
Как могла, детей учила —
Пела песни старины:

«Далеко ль, вблизи ль от дома —
Родника не оскверняй,
И родных, и незнакомых —
Никогда не проклинай».

Вот чему детей учила —
Что-то поняли они...
Много песен этих было,
Редко слышно в наши дни.

Да, взлетаем мы все выше,
Одолели сто дорог.
Ну а песни... Где услышишь?
Я тебе спою, сынок...

* * *

Не шагай через пламя —
Пламя выше всего.
Мир в жилище, удача
И друзья — от него.

* * *

Не указывай пальцем
Ты на солнечный лик.
Ярче солнца не станешь —
Как бы ни был велик.

* * *

И в большую долину
Все стада не согнать.
Не обхватывай землю —
Все равно не поднять.

* * *

Можешь стать злоязыким —
Не облизывай нож.
Над упавшим не смейся —
Завтра сам упадешь.

* * *

И в голодное время,
И в обильные дни,
Взявши чашку пустую,
Полной чашку верни.

* * *

Где бы ни был ребенок —
Сердце матери с ним.
Где же сердце ребенка?
С ним самим,
Только с ним...

ПИСЬМО АИАСПАЯ

Здравствуйте, мать! Здравствуйте, отец!

Как вы живы-здоровы? Все ли хорошо на стойбище нашем?

Вот два года прошло — это самые трудные годы. Много я пережил, передумал. Я понимаю — виноват, виноват, справедливо отринут от родного Алтая. Ревность, пьяная драка привели меня в «зону», я узнать это слово никому не желаю...

Есть тут горы, просторы — они только в мыслях моих, здесь цветка не сорвать, из ручья не напиться — неволя!

Не забыть мне до смерти своей — вечер страшный, когда, захмелев, нож я выхватил в драке...

Не вернешь ничего, ничего теперь не переменишь. Аттестат «обмывая», захмелели с Бырчием. Разве думали мы, что водки глоток может годы украсть?

Запах горькой полыни алтайской я понял душою теперь; и отцовское слово о том, что огонь никогда не запрядешь в бумагу, понял только теперь...

Куулгинская школа... С лучшим другом Бырчием стоим... А над нами раскинула водка бездумные, злобные крылья...

Вдруг Бырчий засмеялся:

— Я Кею твою обнимал!

— Врешь! Неправда! — кричу.

— Что? Да Кею твою кто угодно обнимет!

Ну а что было дальше — не помню, отец, то, что помню, болит до сих пор, не стихая...

Мною раненный в руку Бырчий жив-здоров, в Томске учится он. Я судьбе благодарен, что мой складешок только в руку попал...

Жить хочу я, отец, я ведь молод еще, и желанье одно у меня: выжить, выйти из этой трясины с названием «зона»!

Стать хочу человеком. Если снова споткнусь, опираться на воду не стану, я возьмусь за скалу...

Написал «убегу», эту глупость мою, ради бога, отец, позабудьте. И еще: говорить слово страшное «зона» сестре моей Клаше не надо.

Много долгих ночей я глаза не смыкал, но легчает душе, мысли новые в ней, в темноте ее — новый рассвет наступает.

До свидания, мама! Отец, до свидания!

СВЕТАЕТ

*(Слово автора, сказанное
от души Айаспаю
и другим читателям)*

Я вышел из тюрьмы.

Светает...

Вижу свою дорогу

До самого горизонта.

И пусть над твоей дорогой,

И пусть над каждой дорогой —

Наступит рассвет.

Пусть каждый

Видит свою дорогу.

Вставайте до солнца,

Вставайте

И открывайте двери

В просторное новое утро.

Смотри —

Темнота уходит,

Неудержимо светает,

Через черные горы

В долины льется заря.

Эхом ответит мне.
Вижу душу природы
Взором незамутненным.
Светло над моей дорогой.
Так пусть
Над всеми путями
Настанет трезвое утро!
Так пусть же
Неудержимо
Светает над каждой дорогой!
Вставайте и выходите!

ИЗ ТЕТРАДЕЙ ДИМАНА ЭЗЕНОВА

АЗУЛАЙ. Молодец, Азулай, ты нас в прошлое лето обрадовал. Мы такого, говоря честно, даже не ожидали. Ты приехал не для того, чтобы только показать новые погоны майора. Верно служишь в родной армии — это хорошо. Подаркам мы тоже рады. Молодец, Азулай, твой подарок мне, чабану, в самый раз. Я твоего бинокля с шен не снимаю, от глаз не отрываю. Хорошо с ним в горах — где какая овечка ходит, за каким кустом она шевелит своим куцым хвостом — все замечаю. А помнишь, Азулай, как ты здорово стукнулся об косяк, перешагивая порог родного дома? Мать причитала, а я смеялся.

— Дурак! — сердито буркнула Чачак на меня. — Ребенок так сильно стукнулся, а он радуется... Ой, балам, полежи немножко и пройдет...

— Разве это «балам»? — я смеюсь. — Это же офицер, наш защитник! Видишь, мать моих детей, как вырос твой сын, который был не больше твоего кулачка. Он стал выше своего дома! Радуйся... Ты ведь не забыла, что человек должен полежать и покататься на

том месте, где родился. Твой «балам» этот обычай забыл, а родной дом напомнил.

И сам Азулай смеялся, поглаживая голову, и его сын Сашок смеялся, глядя на отца и не понимая, о чем говорят дед с бабушкой.

Маме ты тогда привез лисьи лапы, чтобы сшила себе новую шапку.

Но твой главный подарок — внук, Сашок. Говоришь:

— Пусть поживет у вас, пусть поживет в этом низком домике, где я и все мы выросли, да научится, прежде чем идти в школу, говорить на родном алтайском языке...

Так Сашок и остался у нас. Хороший мальчик — овец любит, играет с ягнятами. А сперва, увидев ягненка (и горе, и смех!), закричал: «Посмотри, бабушка, какой чудной поросенок!..»

Прошел год, теперь он знает родной язык, как ты этого хотел. Поросятка с ягненком тоже не спутает. А осенью пойдет в школу, в Куулгинскую школу. Там его в первом классе будет учить твоя же сестренка — Пионер Димановна. Вот подумай, разве не интересно жить на земле?! Сашка теперь, как журавленок, вытягивает шею, смотрит на перевал и ждет твоего приезда, Азулай.

ЭНДРЕЙ. Эндрей — мой самый старший сын, отец четырех детей. Он колхозный табунщик. Хороший табунщик. Когда человек любит скот, птиц и зверей, у него душа ко всему ласковая.

Мы с матерью не думали, не гадали, что из нашего первенца выйдет хороший табунщик. Да и, признаться, сами этого не хотели. Были молодыми, мечтали, чтоб он стал в Куулге самым важным человеком. Думали, что из него выйдет артист или даже начальник.

В прошлое лето, когда Азулай приехал, и Эндрей

прискакал на светло-рыжем коне. Любо смотреть на своих детей, когда они встречаются и обнимаются. Дети... Разве они дети были тогда, при встрече, ведь встречались две горы, два богатыря.

Азулай старшему брату подарил новенький, скрипящий офицерский ремень. Эндрей обрадовался, сразу же стал примерять его на себя. Хлопая по плечам Азулая, говорил: «За это, браток, я из твоего сына сделаю настоящего наездника! Саша, иди ко мне, не бойся, я тебя посажу на своего скакуна. Видишь, какой у меня конь!..»

А мать моих детей, Чачак, тут как тут: «Что вы надумали! Нет, нет, не дам ребенка, ведь он упадет, убьется еще! Перестань дурить, Эндрей!»

Эндрей хотел было послушаться матери и оставить свою затею, но Азулай настоял, чтобы брат посадил мальчика на коня. Уж очень, должно быть, хотел посмотреть на сына, сидящего в седле.

А теперь Сашка сам просится к Эндрею, чтобы с ним ночевать в горах, ездить на его коне.

ЭМИЛЬ. У Эмиль прозвище было — Сурбай. Балагуров, весельчаков, вралей почему-то в Куулге звали Сурбаями. Наверно, когда-то был такой человек по имени Сурбай.

Наша Эмиль с детства любила ходить по гостям, любила выдумать да приврать, любила петь да плясать. Не очень-то нянчилась с Клашей. Не очень-то ходила за овцами...

А теперь стала артисткой областной эстрадной бригады — ездит по Алтаю, поет песни.

И это было прошлым летом, в сенокос. Косили недалеко от нашего джайлу¹. Мы с матерью поехали по-

¹ Д ж а й л у — летнее пастбище.

смотреть на дочь, как она там поет. Ой-т!.. Особенно мать расстроилась — поет-то она не наши, не куулгинские песни. Выхляется и поет не то по-русски, не то по-алтайски, а молодым вроде бы нравится. Удивительно! Наверно, у нас сердца иные, чем у них.

Вечером Эмиль пришла домой с подругами, почевали тут же, на стоянке. Наутро пошепталась-пошепталась с матерью, и смотрю: мать дает ей двести рублей, сплошными красными десятками.

— Зачем это? — сам не знаю, как у меня сорвалось с языка.

— Балам хочет купить новое платье и туфли, — вместо Эмиль быстро отвечает мать. Ответила, посмотрела и вдруг ни с того ни с сего начала ругать меня: мужчину, а лезет в женские дела!

Конечно, мать моих детей права. Но я понял другое: оказывается, артисты зарабатывают куда меньше, чем чабаны. Что ж, лишь бы человеком жила дочка, а не Сурбаем-вралем. Теперь-то ее никто так не назовет. Это я сам, тихо и тайно от людских глаз, думаю и вспоминаю...

ПИОНЕР и ТОЛЯ. Думаю дальше вести свою тетрадь, писать о детях. Пусть потом читают отцовские записи и смеются, и вспоминают — какими они были в детстве, какими видят их старики.

Толя теперь в сельхозинституте учится. Взрослый человек. Глядишь, года через три привезет невестку.

Невестки... снохи... Какой только национальности нет среди моих снох: и алтайки, и русские, и казашка, и украинка. Родней стали, родством связаны с моим очагом, с моим домом. Интересно, какой национальности, например, Сашка, сын Азулая? Дед по матери — казах, бабушка по матери — русская, по отцовской линии — алтайцы... А я так отвечу, так скажу: — Растет человек, и все тут! Всем родной человек.

Однажды Толя мой, когда учился в третьем классе в Куулге, в начале учебного года явился домой и говорит: «Учиться больше не буду!»

А что такое? «Меня Пионер Димановна... (Не сестра, а слышите, «Пионер Димановна») — поставила в угол!» «А почему?» — спрашиваем. «Я на уроке рисовал».

Тут сильно рассердилась мать моих детей. «Сейчас же поеду и покажу ей, как в угол ставить моего сына. Забыла о себе, какая она была сама. Я ее ведь ни разу в угол не ставила. А двоек-то сколько сама хватала. А сколько раз из-за нее вызывали отца в школу?.. Я ей сегодня...»

И на самом деле начала седлать лошадь, чтобы ехать в Куулгу и наказать за Толика свою дочь-учительницу. Глупая, не знает педагогических законов, а хочет «учить»!.. Кое-как тогда уговорил, чтобы не ехала, не позорилась. Ведь я-то знаю немножко педагогические законы. До войны-то был все-таки учителем.

Дети растут. Интересно думать о них, вспоминать...

А Пионер Димановна до сих пор Толику помогает: то деньги, то посылки, то слово доброе.

(Лето, 1975 г.)

* * *

Сижу на горе, вижу, как осень, желтая, полосатая, крадется за моими жирными овцами.

Осень... Дети приезжали летом и опять уехали. На душе тоскливо и пусто.

Ворон каркает. О чем он кричит, что ему надо? А может, он хрипло смеется надо мной, что я смертен... Ворон, я помню, если бы не ты...

Ульгень создал тело человека и послал ворона к великому Кудая — отцу всех богов — просить душу для своего творения. Ворон послушно полетел на небо.

Кудай дал ворону бессмертную душу. Тот зажал ее в клюве и полетел на Алтай. Путь был длинный, ворон устал, оголодал.

Вот он видит: под его усталыми крыльями лежит труп верблюда. Голод тянул его к верблюжьей туше, но он выдержал, пролетел мимо. Снова смотрит вниз: под его крылом лежит мертвая лошадь. Но и на этот раз ворон пролетел мимо.

Летит он дальше, несет бессмертную душу людскую, силы его иссякают, мучают голод и жажда. И — новое испытание: лежит на земле мертвая корова. Забыл ворон наказ Ульгения, разинув клюв, бессмертная душа выпала и рассыпалась по земле. Она вошла в можжевельниковые кусты, сосны, кедры, ели, пихты... Деревья эти, взявшие человеческую душу, стали вечнозелеными, а человек смертным.

Эх, ворон, ворон, мой вечный враг! Еще что тебе надо от меня?.. Ках-ках, тьфу!.. Я знаю, что я смертен.

Осень. Дети уехали. А вот я сижу и смотрю, как увядает Алтай. Нет, мой Алтай снова зацветет! Вечен Алтай, вечна земля. Мы умрем и мои дети когда-то умрут. Но род мой вечен, корень, кровь моя.

Нет, не очень ли я уверенно говорю, а?.. Я, старый солдат, могу ли забыть тех, кто остался там, в кровавой земле?.. А теперь, говорят, есть смерть страшнее прежней. О ней пишут газеты, и Азулай мне рассказывал. Говорят, есть бомба, которая целым, невредимым оставит мой маленький домик, где родились и выросли двенадцать детей, а их, детей, уничтожит...

Осень, осень, боль моя! Осень, скажи мне, разве плохо человеку, когда он тоскует и за что-то болеет?.. Человек тоскует, болеет и поет тогда, когда в нем самая большая радость — жизнь.

(Осень, 1975 г.)

АЙЛАНАЙЫН

Айланайын!
Айланайын!
Айланайын!
Да сбудется —
Объеду, обойду
Весь мир,
Благодаря, благословляя!

И солнца свет,
И ясную луну,
И каждое жилище человека,
Как этот домик посреди снегов —
Благодарю я
И благословляю!
Айланайын!
Айланайын!
Айланайын!
Благословляю каждого ребенка,
Мать каждую и каждого отца.
Люблю большие реки за размах,
За светлый говор —
Маленькие реки.
И низкий, и высокий перевал
Благодарю я
И благословляю!
Еще
Благодарю все города,
Аэропорты,
Станции,
Причалы,
Стальные и обычные дороги —
Я все пути земли благодарю
За то, что привели меня сюда —

Под крышу дома посреди Алтая,
Среди зимы,
Среди больших снегов.

...Я в этом доме
Слушал думы гор,
Катились волны лет передо мною,
И голоса Димана и Чачак
Из прошлого со мною говорили,
Но были о грядущем их слова.
Их разговор о доме,
О семье
Преображался в разговор о Мире.
Поверх границ и времени —
Как ветер,
Как солнца свет,
Как ясный свет луны —
Любовь и труд,
Боль и преодоление
Объединяют всех людей Земли.
И в доме у Димана
Многолюдно,
Дом полон голосов,
Неотторжим
От всей земли,
Как часть его живая.

Поклон тебе мой,
Диман,
Из древнего рода майман,
Поклон тебе мой,
Чачак,
Из нашего рода кыпчак.
В душе моей навсегда
Вы —
Рядом с отцом и матерью.

Двенадцать ваших детей —
Наследников вечных гор,
Хозяев зеленых долин,
Двенадцать крепких ветвей
На тополе родовом!
Приветствую вас
Как брат!
Пусть мирным будет ваш путь,
Пусть вечного солнца свет
Каждого, кто в пути,
Одарит счастьем любви,
Мира
И доброты!

ЭПИЛОГ

Словно река у моря —
Моя закончилась речь.
Тяжкую радость снимаю
С окаменевших плеч.
Но перед тем, как выйти
В новый нелегкий путь
И новой большой работе
Честно в лицо взглянуть,
Склониться над новым словом,
Каким — не ведаю я —
Должен, и откровенно,
Признаться во всем, друзья:

Я не один работу
Начал и завершил,
Душу в слова поэмы
Я не один вложил.
Нежно благодарю я
Мать моих сыновей

За мир у порогов дома,
Покой над крышей моей.
И сыновьям спасибо —
Они среди каждого дня
Шумели, смеялись, мешали
И — радовали меня.
Друзья мои, вам — спасибо!
Ведь вы опять и опять
Вопросами: «Что с поэмой?» —
Душе не давали спать.
Путь, что долог и труден,
Преодолею не один.
Благодарю вас, люди!
Айланайын!

КАРАНА

Поэма-очерк

Снег —
Он повсюду одинаков,
Но этот снег, лишая сна,
Вдали от родины, однако,
Мне душу высветил до дна.

Сквозь снегопад,
Московский, ранний,
Алтай мне видится родной,
Морозным окружен дыханьем,
Иду отцовской стороной.

Стоянка,
Что лежит далече,
Вдруг приближается сама,
Уже я различаю речи
Про непогоду и корма.

И в сердце
Сладостною болью
Вплывает долгий скрип саней,
Туманами по чисту полю
Восходит пар с боков коней...

Душа разбужена снегами,
И, силы придавая мне,
Сквозь снегопад приходит память
О давней полночи в огне.

Та ночь,
Тот бой
И та победа, —
Вся степь огнем озарена...

Вы разрешите мне поведать
Об этой ночи,
Карана?

1.

Солнце высунуло ухо,
Степь промерзла,
Свет усталый,
К дальним склонам рано утром
Карана идет с отарой.

Ослабевшие овечки
Остаются у стоянки
И напарница, а с нею
Несмышлениш — сын чабанки.

Что за день сегодня будет?
Что за травы?
Что за тропы?

Карану тревожат думы,
Караңа коня торопит.
Бродят овцы по ложбине,
Бродят мирным полукружьем,
Поднимаясь, опускаясь
По холмам — горбам верблюжым.

Тишина, простор и холод,
Тонко тянется поземка...
Думу думает чабанка,
Даль оглядывает зорко.

* * *

Над склоном дальним туча спит,
Чуть слышен — так далек —
В глубин, в груди глухой степи
Проснулся ветерок.
Чабанка чувствует давно
Тревогу на душе.
Хоть ветер слабый, как щенок,
А цепь грызет уже.

И думает она:
«Конец,
Погоду не унять,
Пора уже собрать овец,
К стоянке отогнать...»

Но что это?
Бессилен крик,
Бессильна Карана!
Отара слушает язык
Ветров.
Ветрам верна.

Нет тишины.
Ревет, гудит,
Хохочет ураган.
Бредет отара.
Позади —
Бурлящие снега.

Нигде —
Ни рядом, ни вдали —
На этом свете нет
Ни звезд,
Ни неба,
Ни земли —
Лишь злой и черный снег.

С размаху в грудь—холодный вой,
В лицо — слепая мгла.
И полы шубы за спиной,
Как тяжких два крыла.

Но Карана не упадет,
Плотней к коню прильнет.
А гривы нет —
Есть только лед,
Колючий ломкий лед.

От страха сгнула луна,
Пропал последний свет.
Чабанке чудится — она
Ведет по тучам след.
И тонут в облаках следы...

Вдруг вспомнила:
«Булат!»
Зажегся точно две звезды
Его веселый взгляд.

За что одной,
Зачем одной
Тут умереть, в степи?
Уйти к былиночке родной,
Уйти
И жизнь спасти...

Уйти?
Овец укроет снег.
Уйти?
И что тогда?
Ведь дело общее у всех
И общая беда...

А где-то, где-то в городах
Не ведают о ней.
Там смех, там улицы в цветах,
Неоновых огней.

Там вальсы нежные звучат
И увлекают всех,
И платья радостных девчат
Кружатся, точно снег.

И так отсюда далеко,
Как будто бы у звезд,
Ее ровесница легко
Любимого зовет.

А может, юная душа,
Ночь не смыкая глаз,
Взахлеб читает, не дыша,
О подвигах рассказ.

А здесь летит слепая мгла.
Тут степь.
И ты — одна...

Жизнь так неласкова была
С тобою,
Карана...

...Без отца, без матери
Выросла она.
Травы непримятые,
Полная луна,
Зори над анлами,
Неба синь и гладь —
Не заменят милую,
Ласковую мать.

Эти горы синие,
Степи без конца —
Не заменят сильного,
Доброго отца.

Потому и плачется,
И несладко жить.
Мачеха есть мачеха,
Что и говорить...

С мачехою старою
Скот она пасет,
Ходит за отарою,
Зной ее печет.

От весны до осени
Дó свету встает.
Моют травы росные
Ноженьки ее.

От недоброй женщины,
Старой и больной, —
Окрики, затрещины
Дочке неродной.

А кому поплачешься,
Скажешь, что беда?
Убежать от мачехи?
А бежать — куда?

В травах под закатами
Мирно стадо спит.
Карана с ягнятами
Тихо говорит.

Смотрит с нетерпением
В степь из-под руки —
Где же там осенние
Светлые деньки?..

И почти не верится,
Что они придут.
В школе очень всеело.
В школе —
Там не бьют...

Осень лето поборола,
Лес все реже и светлей.
И летит девчонка в школу,
Словно птичка из сетей.
Стронет сонную корову
С места теплого тайком,
Постоит в тепле
И снова
В синий холод
Босиком.
Среди ветра ледяного
В школу так она и шла —
От коровы до коровы,
От тепла и до тепла.

2.

Бушует буря,
Воет зло,
Метет, и рвет, и ломит.
Напарница бежит в село,
Закрыв Булата в доме.

Она село лишила сна
В лихую эту ночь:
— В степи с отарой Карана!
Одна осталась Карана!
Скорей, скорей помочь!

Мурлычет кот,
Коту тепло.
Уснул малыш Булат.
Он видит дальнее село
И школу-интернат.

«Ребенок плачет и растет,
Ягненок плачет и растет...»
Пусть год пройдет,
Второй пройдет —
Булат батыром будет.
От гор до северных снегов
Он сможет дошагать.
Ну а куда для него
Все в мире — Кош-Агач...

* * *

Улеглась, утихла буря.
Ураган в степи угас.
Месяц молодой прищурил
Свой раскосый желтый глаз.

От села,
Спеша на помощь,
От тепла и от огней
Люди окунулись в полночь
И пришпорили коней.

И по всей степи великой,
Что раскинулась, нема,
От огней,
Копыт
И криков
Разлеталась в клочья тьма.

Седоки во мглу глядели —
Где чабанка?
Где она?
Не в монгольские ли земли
Ураган ее загнал?

След заметить невозможно —
Замела следы пурга.
Степь.
От факелов тревожных
Стали красными снега.

3.

О всеильная власть,
Зов суровых земель,
Где она родилась,
Где ее колыбель!

Ветры вечно поют,
Степи вольные спят,
И аилы плывут,
Точно лебеди, в ряд.

Вдалеке от столиц —
Стойбищ сладостный дым.
Молоко кобылиц
Пахнет солнцем самим.

Карана, Карана...
Здесь любила она,
Горевала она,
Кочевала она.

Степь, раздолье твое,
Непростое житье,
Стало долей ее,
Стало кровью ее.

Даль родной стороны,
Жизнь родной стороны,
Ты — любовь Караны,
Ты — беда Караны.

* * *

Где дороги,
Где тропинки,
Как вернуться ей назад?
Тихо конь бредет,
И льдинки
На ногах его звенят.

Даль пуста, необозрима,
Холодна и глубока.
Улеглась отара,
Зиму
Подминная под бока...

Неужели так и сгинуть
Посреди степи пустой?

Сирота она,
И сыну
Жить придется сиротой?

...Словно плетью всех хлестнули —
Овцы в кучу,
Конь дрожит.
Вдалеке огни блеснули,
Как холодные ножи.

Неужели оборвется
Жизнь нелегкая твоя?
Крикнуть?
Степь не отзовется.
Выстрелить бы —
Нет ружья.

Ближе,
Ближе
Волчья стая,
Тенью черною ползет.
Ночь пустая.
Степь пустая.
Кто поможет?
Кто спасет?

«Дыма волк степной боится», —
Вдруг припомнила она.
Меховую рукавицу
Зажигает
Карана.

Не уходит стая.
Села.
Дым волков остановил.
Что же делать?

Что же делать?
Даже крикнуть нету сил.

Месяц поспешил укрыться.
На беду смотреть не мог.

Догорели рукавицы.
Карана
Сняла платок.
Ярче пламенного мака
Он горит среди зимы.
Человек
Сильнее мрака.
Человек
Сильнее тьмы.

Жить,
А значит — не сдаваться,
Наступить, а не бежать.
Жить —
Спасать, а не спастись,
Умирая — побеждать.

Над кровавыми снегами
Изо всех веков видна,
Посреди степи,
Как знамя,
Полыхает
Карана!

* * *

Сколько времени — недели
Пролетели
Или дни?
Карана очнулась.

Поле.
И огни, огни, огни...
В самом деле или снится
И качается, как бред,
Эта белая больница,
Эти лица,
Этот свет?
Белая плывет палата
По степи среди огней,
И глаза ее Булата
Улыбаются над ней...

* * *

Здравствуйте, Карана!

На ваших висках —
Снег той ночи.
На ордене —
Свет огня,
Пылавшего среди степи...

Рассказал о вас и счастлив,
Что говорю с вами
На одном языке,
Хожу с вами
По одной земле...

Здравствуйте, Карана!

СОДЕРЖАНИЕ

Приближение стиха. *Перевел И. Фоняков* . . . 5

Новые стихи, подсказанные огнем моего очага

Домой хочу	8
Кюс-кюс	10
Аджимушкой, Аджимушкой...	11
Слово о людях рабской крови	14
«Как пес охотничий, по следу...»	15
Сын лежит в колыбели	17
Давай-ка, друг, поговорим...	18
Посещение	21
Письмо поэту Кайсыну Кулиеву, отправленное с дороги	22
Отражения. <i>Перевел И. Фоняков</i>	24
На отдыхе. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	25
«Грустным ли, веселым ли бывал...» <i>Перевел И. Фоняков</i>	26
«Каярлык... по всем долинам...» <i>Перевел А. Плит- ченко</i>	27
Дождь идет. <i>Перевел И. Фоняков</i>	28
«Год Змен — начало войны...» <i>Перевел А. Плит- ченко</i>	29
Бег	—
Заново открытый мир	31
Коллеги у Черного моря (Дом творчества)	32
Зеленая лягушка	33
Обожженные, но не павшие деревья	—
Чудо-птица любви (Цикл)	34
Плач о первой любви	35
«Это ты, подруга бывая?...»	37
«На вершине Западной горы...»	39
Любовь приходит бурей, пыль клубя...»	—
«Смолкла сутолока дневная...»	40

Фарфоровая пиала	41
«Милая, любимая моя!..»	42
Женщина читает книгу	—
Как мы ездили на одном коне. <i>Перевел И. Фо- няков</i>	44
Песни любви и печали о материнском сердце. <i>Пе- ревел Ст. Куняев</i>	45

Стихи разных лет

Автобиография. <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	58
Рожденные весной. <i>Перевел И. Фоняков</i>	—
«Мой народ!..» <i>Перевел А. Преловский</i>	60
«Я — горного кедра колючая ветка!..»	61
Ночь в горах	63
Соль. <i>Перевел И. Фоняков</i>	65
Свети!	66
«Во мне угнездилась большая тоска...» <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	68
Голос снега. <i>Перевел А. Преловский</i>	72
Письмо Николаю Рубцову	73
Стихи о коне	75
Старик. <i>Перевел И. Фоняков</i>	76
После первого снега. <i>Перевел А. Преловский</i>	78
«На тебя загляделся Алтай...» <i>Перевел И. Фоняков</i>	79
Лечу. <i>Перевел А. Преловский</i>	80
Голубой цветок	81
«Осень. Пусто в горах...»	82
«Я денег много не скопил...»	83
«Раз проснулся я: луна...»	—
«Если ты во сне увидишь...»	84
«Женщина расчесывала ночь...»	85
«Вблизи села, в кладбищенском логу...» <i>Перевел И. Фоняков</i>	—
Дочь чабана. <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	86
В автобусе	87
Прекрасное мгновение. <i>Перевел А. Преловский</i>	88
«Дремлет мир под звездами большими...» <i>Пере- вел И. Фоняков</i>	90
Исчезнувшие птицы. <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	—
Утро	93
Слезы	94
На осеннем рынке. <i>Перевел И. Фоняков</i>	95
«Всему грядет конец законный...» <i>Перевел А. Пре- ловский</i>	97

«Во сне я много раз умирал...» Перевел Б. Слуцкий	98
Малые народы. Перевел И. Фояков	99
Сын учится говорить	101
Мычит белая корова. Перевел Б. Слуцкий	102
«Весной с зари...»	104
Зеленая кукушка	105
«До свиданья, слава! Без тебя...»	106
«Погляди на руки матери, сынок...»	107
Белая звезда	108
«Медленно кружится...»	109
«Все в мире в движении...»	111
Три воспоминания о любви. Перевел А. Преловский	112
Морские камни. Перевел Ст. Куняев	115
«Мир весенний — как младенец!..»	—
«А река лежит куда-то в море...»	116
«Мне кто-то...» Перевел А. Преловский	—
Тень Рериха. Перевел Ст. Куняев	117
«Наш мир, прозрачный, как ручей...» Перевел А. Преловский	118
«Мир природы бескорыстен...»	119
«Море, спасибо за воспоминания...» Перевел Ст. Куняев	120
«Сначала, море, ты сверкнуло...» Перевел И. Фояков	—
Сани	121
«Часто в снах моих вижу картину все ту же...»	122
«Вечером не умирайте, люди...» Перевел Б. Слуцкий	123
Благопожелания	
Благопожелание ребенку	124
Благопожелание огню	125
Благопожелание теленку	—
Заклинание медвежьей головы	126
Молитва у кедра	128
Молитва, обращенная к топшуру	—
Проклятье врагу	129
Радости алтайца	130
Что позорит алтайца	133
Монолог табунщика Яшная, обращенный к любимому коню Ак-Боро	136
Монолог табунщика Яшная перед тем, как зарезать овцу	139
Верблюдица, у которой умер детеныш. Перевел И. Фояков	140

Стихи с кулак

- «Я приступаю к каждому стиху...» *Перевел А. Преловский*; «Звездное небо! — взывал кайчи...»; «Пусть в изголовье камень твердый, гладкий...»; «В крови своей услышать гул Катуня...» 144
- «Дайте мне, эй, аргамака-коня...»; «Здесь, где купол родного неба высок...»; «Алтайским вереском набью...» *Перевел И. Фоняков*; «Сто костров в темноте горят...» *Перевел А. Преловский* 145
- «Бедняка от Богача...»; «Слыша песню Весны, речек звонкую речь...»; «Говорили прежде: сынок...» 146
- «Где жилище Голода, ответьте?..»; «Ходили в небе коршуны кругами...»; «Струны те, что искусному служат кайчи...» 147
- «Бывает так, что спит народ...» *Перевел И. Фоняков*; «Коль дорога тебя...» *Перевел А. Преловский*; «Эти ясные звезды в ночной синеве...» *Перевел И. Фоняков* 148
- «Время так быстротечно...» *Перевел А. Преловский*; «Лунный свет земли коснулся...»; «Змеинный яд змею другую...» 149
- «Посреди суровых гор Алтая...»; «Аил отцовский. Вижу, глаз прищуря...»; «Млечный Путь среди ночного мрака...»; «Я один. То ли слышится лепет воды...» *Перевел И. Фоняков* 150
- «Сколько бы ни сделал ты добра...»; «Эй, люди, послушайте!..» *Перевел А. Преловский*; «Небо — словно сжатые поля...»; «Где пожар гудел в лесах Алтая...» 151
- «В майском небе нынче вновь...»; «Только б не гас твой очаг земной...»; «Конский череп лежит...»; «Белый череп в поле диком...»; «Что черней, чем ночи самые густые?..» 152
- «Руками землю — не обнять...»; «Не думай над старым кресалом...»; «Камню река говорит...»; «Сын мой, цветы расцвели...»; «Как осенний журавль улетает, крича...» 153
- «Присуще Небу — высоким быть...»; «Твори добро, не требуя награды...»; «Пред Увечным и Калечным...»; «Накрепко, сын, усвой...» 154

«Как-то там корни в безмолвных глубинах...»; «Если счастье захочет прийти...»; «Говорят, не знал ты в жизни слез!...»; «Не сетуй, сы- нок, что дорога длинна...»	155
«Глянув на седло да на подпруги...»; «Мой сын, готовясь жить среди людей...»; «Бессильная старость молчком подошла...»	156
«Кузнец, в огне железо нагревая...»; «Людей на свете — без числа, без счета!...»; «Завист- ник — человек особый...»; «Лгун дивился...»	157
«Не думай, что секрет недобрый твой...»; «У те- бя лишь один подрастает сынок...»; «Мир, состоящий из гор и морей...»; «Ах, мне бы крылья...»	158
«Видишь, на спине бурундука...»; «Щенка, ла- ская, не переласкай...»; «Всего удивительнее — Человек...» <i>Перевел И. Фояков</i> ; «Запомни: земля красива...»	159
«Ответьте мне, люди...»; «В небе плавает только одна...» <i>Перевел А. Преловский</i> ; «О, неважно мне, сколько пойдет людей...» <i>Перевел И. Фо- няков</i>	160

Баллады и поэмы Алтайских гор

Характеры (Рассказ в стихах). <i>Перевел И. Фо- няков</i>	162
Черный щенок, старик Атраш и я	165
Я жду улетевшего белого лебедя. <i>Перевел Б. Слуц- кий</i>	170
Золотая птаха (Поэма-сказка) <i>Перевел Я. Аким</i>	173
Одинокый домик среди белых снегов (Поэма-хро- ника)	183
Карана (Поэма-очерк). <i>Перевел А. Плитченко</i>	222

Борис Укачинович Укачин

КАЛЕНДАРЬ ДУШИ

Стихи, поэмы, баллады

Переводы с алтайского

Редактор Л. Ершов

Художник А. Курдюмов

Фотографии В. Ащеулова

Технический редактор М. Сафонова

Художественный редактор В. Еранкин

Корректор Г. Ульченко

ИБ № 1306

АГ 00232. Сдано в набор 19. 04. 1982 г. Подписано к печати 17. 06. 1982 г. Формат 70х90/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,775. Уч.-изд. л. 9,823. Тираж 20000 экз. Заказ № 801. Цена 1 р. 10 к.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.



1 р. 10 к.

